

The background of the entire page is a dark, atmospheric photograph. It depicts a body of water, possibly a lake or a wide river, with a bright light source (the sun or moon) low on the horizon, creating a shimmering reflection on the water's surface. In the foreground, there are dark, silhouetted reeds or tall grasses. The overall color palette is a range of blues and greys, from deep navy to a lighter, hazy teal near the horizon.

ТАТЬЯНА
МЕНЬШИКОВА

ДОГОВОР БЕЗ ПРАВА РАСТОРЖЕНИЯ

принять поражение –
не значит покориться

Татьяна Меньшикова

Договор без права расторжения

Серия «RED. Детективы и триллеры»

Серия «Сухой колодец», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66981488

2022

ISBN 978-5-04-172076-6

Аннотация

Стас прошел кастинг на роль колдуна таежной деревушки, сам того не желая. И уж точно он не рассчитывал, что бабьи сказки о темной силе местных болот обернутся вполне реальной угрозой.

Принять свою участь – единственный способ повлиять на жуткие события и сохранить жизнь близким. Откуда он мог знать, что новая должность изменит его разум и душу...

Комментарий Редакции: Нетривиальный и аутентичный триллер, пронизанный мистическим и непознанным таежным духом. Жуткое, парадоксальное и неземное часто бродит где-то очень близко... Ближе, чем кажется!

Содержание

1	5
2	13
3	43
4	67
5	102
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Татьяна Меньшикова

Договор без права расторжения

Художественное оформление: Редакция Eksmo Digital
(RED)

В оформлении использована фотография:

© stsmhn / iStock / Getty Images Plus / GettyImages.ru

*** * ***

Негромкое постукивание в стекло отозвалось в голове раскатами грома. Стас со стоном перекатился на спину и посмотрел в окно. Наглая желтобрюхая синица, вцепившись цепкими лапками за деревянную оконную раму, склевывала засохшие трупки комаров с паутины. Ее клюв, пробивая паутину насквозь, цокал о стекло с силой гранитного молота. Стас кинул подушку в сторону окна. Глупая птица тут же упорхнула искать другую столовую.

Воцарившаяся тишина уже не смогла исправить то, что нарушила синица – крепкий сон. Стас принял сидячее положение. Раскаленный бетонный обруч, не снаружи, а внутри черепа, налился весом и объемом, грозя разорвать черепную коробку. Классическое похмелье дало о себе знать всей своей мощью.

Стараясь беречь голову от резких движений, Стас вывалился на улицу. Прохладный воздух принес некоторое облегчение для страдающей головы. Короткий взгляд на стол это облегчение тут же обнулil. Две пустые и одна наполовину полная бутылки на столе ожидали своей участи. Стас грузно опустился на стул, прямо из горла сделал хороший глоток янтарного напитка.

Вчера Бобров слился еще после первой бутылки. Несколько раз он норовил разговорить своего собутыльника, расска-

зывая похабные анекдоты и веселые, на его взгляд, истории. Так и не отыскав ключик к настроению Стаса, и не выдержав молчаливого общества, Бобров убрался искать себе другую компанию. Стас едва заметил отсутствие компаньона и продолжил созерцать Плешивую гору в одиночестве. Он помнил, как ее верхушку затянули серые тучи, пока резкий порыв ветра не разогнал их, как шелудивых собак. Помнил, как месяц надолго завис над горой в окружении зажигающихся звезд. Как добрался до дивана – Стас уже не помнил.

Еще несколько хороших глотков вернули ложное ощущение здоровья и желание действовать. В доме было не теплее, чем на улице. И хотя коньяк разогнал кровь в венах, Стас чувствовал холод идущий от деревянных полов даже сквозь подошву ботинок. Не городская квартира. Здесь не предъявишь претензии к управляющей компании по поводу холодных радиаторов отопления. Здесь собственными силами придется позаботиться о комфорте.

Через полчаса дрова в топке весело трещали, создавая такой уют в доме, который возможен только у настоящей дровяной печи. Никакие радиаторы отопления и электрические обогреватели не способны воспроизвести тепло, которое способно греть не только тело, но и душу.

Однако душа Стаса не откликнулась на созданный уют и продолжала тоскливо жаться в угол, прячась от мрачных мыслей. Вернее от отсутствия, каких бы то ни было мыслей. Стас запретил себе думать о прошлой жизни. Сейчас

так проще и легче. Что станет с ним после того, как он разберется с этим чертовым болотом, он не загадывал – жизнь давно отучила его строить долгосрочные планы.

Жар от печи невидимыми волнами расходился по комнатам, возвращая дому жилое состояние. Стас снова завалился на диван – спешить ему было абсолютно некуда.

* * *

Стас неторопливо возвращался из магазина. Пакет с продуктами оттягивал руку и неприятно колотил по колену. Стас был из тех людей, которые предпочитали делать покупки как можно реже, поэтому походы в магазин заканчивались тяжелыми пакетами с запасами продуктов на неделю, а то и на две, вперед. Маленький магазин в центре Коврово не мог похвастать широким ассортиментом, и все же Стас умудрился набрать продуктов на несколько тысяч. Он уже был рядом с домом, когда увидел, что женщина, в одежде неопределенного серо-бурого цвета и такого же неопределенного возраста, прямо перед его носом вступила во двор так, словно это была ее собственность. Уверенным шагом она прошла по двору, заглянула в сарай, в баню. Игнорируя полный иронии взгляд Стаса, женщина поднялась на крыльцо дома, заметив пустые бутылки (у Стаса так и не дошли руки выбросить их), покачала головой. Без приглашения зашла в дом. Так же деловито прошла по комнатам,

задержалась на кухне, инспектируя буфет. Стас с любопытством следовал за ней по пятам, ожидая громогласного заявления. Очередная нежданная «родственница», претендующая на дом?

– Посуду я тебе принесу. Дрова завтра Егоша привезет. Готовить сам будешь или носить? – она нагло порылась в пакете, который Стас принес из магазина. – Хлеб, молоко не покупай – я сама буду носить. Яйца тоже.

– Женщина, вы кто?

– Марьяна я, ключница. Теперь, стало быть, буду тебе служить.

Она уставилась на него своими блеклыми глазами, сурово поджав губы и сдвинув редкие брови к переносице.

– Пьяный на топь не ходи. Она пьяных не любит, даже своих. Еще лучше – вовсе не пей.

– Послушайте, Марьяна...

– Ежели с собой справиться не умеешь, то хотя бы пойло свое заграничное не глотай. Мне скажи – я наливочки принесу.

– Мне не нужна ключница, – сказал Стас, немного озадаченный напором женщины.

– Тебе может и не нужна, а по статусу положена, – проворчала женщина, по ходу ловко поправляя вещи в доме. Расправила скатерть на столе, отдернула штору, переставила чашки. Там, где побывали ее руки, все принимало вид прибранный и ухоженный.

– Не зрелый ты еще. Пустой. Ну, ничего... Год другой поживешь, глядишь, пообвыкнешь, силенок наберешься. Ты главное откройся ей – слушай, смотри, чувствуй.

– Кому – ей?

– Ненаша Мари. Кому ж еще? Не зря она тебя выбрала, не зря... Лечить пока никого не берись – не сдюжишь.

– Я и не собирался.

– Собирался – не собирался. Кто тебя спрашивать будет? Решено все без тебя. Не нам, людям, с топью силой меряться. Нету у нас такой воли, чтобы ей сопротивляться.

– Понятно, – вздохнул Стас. Марьяна – еще одна бедолага без оглядки верующая в бабушкины сказки, следовательно, еще один будущий недоброжелатель. Кому понравится, что их ненаглядное болото собираются уничтожить? – Значит, ты служишь колдунам при болоте?

– Служу, – согласилась Марьяна. – Раньше за Захаром смотрела, пока – за тобой буду ходить.

– Я не стану тебе платить.

– Разве я говорила о плате?

Бесплатная домработница? Интересно, какие еще бонусы от болота он получит? Стас невесело про себя усмехнулся.

– Ладно, будь по твоему – ходи, если тебе приспичило. Только предупредить сразу хочу – у меня свои планы на болото. Потом на жалость не дави...

Марьяна вдруг улыбнулась, показав идеально ровные и здоровые зубы.

– Я знаю. Иначе бы ты выбрал дом Захара.

– И ты не против?

– Не моего ума дело. Ты хозяин – твое право. Я – лишь тетка, которая присматривает за порядком в доме.

Известно, что домработницы знают гораздо больше о своих хозяевах, чем те думают. Случайно брошенное слово, ненароком забытая на видном месте вещь... И у прислуги складывается свое, скрытое мнение, часто идущее вразрез с ее внешней позицией. Если она не мечтает потерять работу, то будет скрывать свое мнение от любых любопытных ушей и уж тем более не станет обсуждать его с новыми хозяевами. Но все же попробовать стоит. Стас присел за стол, жестом пригласил Марьяну присоединиться.

– Ты действительно веришь в силу болот или тебе просто нравится так думать?

– Ерунду спрашиваешь, – совсем без уважения к новому хозяину, ответила она. – Сам знаешь, что Ненаша Марь не просто болото, иначе бы тебя здесь не было: ни один городской не согласится променять удобство благоустроенной квартиры на уличный нужник без веской причины.

– Вот как? И ты знаешь, что это за причина?

– Ненаша Марь тебя вызвала вместо Захара. А быстро примчался – так это наверняка тебе сын Таисии, Алискин отец вразумил. Сам то он давно подальше отсюда держится – боится.

Ее осведомленность заставила Стаса по-другому взгля-

нута на невзрачную женщину. Ее рвение прислуживать незнакомому мужчине стало выглядеть подозрительно. Не Захар ли ее надоумил под видом ключницы за ним присматривать?

– Где сейчас Захар, знаешь?

В ее в глазах на мгновение зажегся огонек, сделав лицо ярче, живее, но она тут же спохватилась, спрятала взгляд, возвращая себе вид серенькой мышки:

– Ты меня со своими ищейками не путай. Я за домом твоим присматривать обязана, а не за людьми следить.

– Не следить прошу. Интересуюсь – стоит ли мне конкурента опасаться?

– Захар пропал в тот же день, как ты утопил его сына. Больше он на глаза людям не попадался. Ушел. Исчез. Будто и не было...

– Я Глеба не топил.

– Да мне без разницы, – легко пожала плечами Марьяна. – Я ж на Захара работала, потому знаю, отчего в колодцах вода студеная блестит. И на тебе много душ загубленных еще будет. Привыкай, раз такой чувствительный. И привыкай к тому, что тебя люди бояться станут.

– Я же сказал – я не за этим сюда приехал! – раздраженно прикрикнул ей в лицо Стас. – И кормить это чертово болото я не буду. Так всем и передай! И если благополучие Коврово зависит только от болота, то пусть люди начинают подыскивать себе другое место – я сделаю так, чтобы в болоте даже

мышь не смогла утопиться!

Странно сверкнув блеклыми глазами, Марьяна кивнула, встала и молча вышла из дома. Стас проводил ее до порога, запер за ней дверь – хотел быть уверенным, что незваные гости больше не нарушат без спроса его одиночество.

Раздирающий душу скрип ржавых петель заставил Стаса подскочить с дивана. В одних штанах, накинув на голое тело холодную телогрейку из сени, он вывалился на крыльцо с намерением оторвать голову тому, кто посмел потревожить его сон.

В распахнутые настежь ворота, дребезжа всеми частями, въезжал задом кузов старого самосвала. Доверху наполненный березовыми чурками, он пролез в опасной близости от столбов, удерживающих воротины, показав голубоватую кабину грузовика. За рулем, сосредоточенно глядя в зеркало заднего вида, сидел мужчина в замызганной кепке с сигаретой в зубах. Не добравшись до сарая метров пять, грузовичок замер, вздрогнул и начал поднимать кузов с потертыми бортами. Березовые чурки с глухим грохотом высыпались из кузова, образовав неровную горку. Мужик немного отъехал от кучи, дождался, когда кузов опустился на место и только потом посмотрел на Стаса.

- Марьяна велела дров привезти.
- Спасибо. Сколько я должен?
- Нисколько. Вечером с сыном приду – порублю, уложу в поленицу.
- Я и сам могу.
- Неа, это наша работа.

– Я – не новый колдун, вы не обязаны мне помогать.

– Так это правда?

– Что?

– Ты хочешь Коврово со света свести?

– Не совсем верно, – качнул головой Стас.

– Что ж тут не верного? Марьяна сказала, что ты велел всем убираться из деревни, – мужик смачно сплюнул сквозь приоткрытое окошко и с вызовом посмотрел на Стаса. – Не будет по-твоему! Как бы тебя не цапнула бешеная лисица, если не откажешься от своих слов.

– Егор? Ведь так?

Тот нехотя кивнул, опустил глаза, словно знание его имени давало Стасу какую-то незримую власть над ним.

– Езжай-ка отсюда на хрен, Егоша, – рыкнул Стас, делая шаг в направлении грузовика. Егор, вдруг мигом осознав свое нахальство, со скрежетом врубил передачу, и ржавый грузовик резво сорвался с места, унося чересчур болтливого водителя.

Стас недовольно посмотрел на распахнутые створки, просунул руки в рукава накинутой на плечи телогрейки и пошел закрывать ворота. Вряд ли Егоша вернется вечером укладывать поленицу. Придется колоть чурбаны и складывать поленицу самому. Работы на несколько дней. Так даже лучше – появится занятие.

Рыжий, однообразный пейзаж застыл в ленивом безветрии. Пожухлая от холодных дождей осока улеглась красноватыми прядями на рыхлые, бурые кочки, делая их похожими на исцарапанных плюшевых медведей.

По его расчетам Стас прошел по берегу вдоль болота километров пять, но так и не наткнулся на признаки того, что болото скоро закончится. Все те же куртины и кочки. Все те же редкие островки чахлых осинок и трухлявые копыя из мертвых деревьев.

Березы уже полностью скинули с себя нарядные осенние украшения и сейчас стыдливо прикрывали свои искривленные стволы лишь тонкой паутиной ветвей. Тем сильнее был контраст между болотными березами и березами, коим посчастливилось пустить свои корни на полноценной земле. На берегу деревья были мощными и стройными. В полукилометре от берега ландшафт менялся, образуя безымянный пригорок, и там стволы берез постепенно заменяли сосны и ели, не столь привередливые к влажности и богатству почвы, как лиственные деревья.

Стас перевел взгляд обратно на болота. Просторы впечатляли и вместе с тем не радовали. Невозможно одному человеку проконтролировать подобную территорию. Когда в Коврово станут сохнуть колодцы, непременно найдется ка-

кой-нибудь местный молодец, что попробует решить проблему самостоятельно. Заманить несведущего человека в топи – раз плюнуть. Стас тоскливо вздохнул. Ему бы десяток парней из конторы, да какой-нибудь транспорт... Точно! Надо раздобыть транспорт. На автомобиле тут не разогнаться, даже на внедорожнике. Неплохим вариантом представляется лошадь. Как бы не претило, но видимо придется обратиться к Марьяне за помощью.

Весть о том, что новый колдун не на их стороне, разнеслась по деревне в один день. Настороженность местных жителей Стас почти физически ощущал на собственной коже, стоило ему появиться на улице.

В открытую возражать против его намерений люди не осмеливались, да и серьезного повода еще не было, но в спину ему смотрели, сердито поджав губы. Лишь Марьяна, как ни в чем не бывало, продолжала ходить к нему домой, и помогать по хозяйству. И сегодняшний день не стало исключением.

Ключница заявила в шесть утра. Быстро растолкав свежие яйца и молоко по полкам холодильника, она строго напомнила Стасу, чтобы он никого не брал врачевать. Оказывается, из Лесного, прослышав о новом колдуне, вчера днем пожаловала женщина в надежде, что Стас поможет ей обрести мужа. Муж был большой любитель первача, который гнала жена на продажу. Захар в свое время велел ей завязать с легким заработком, и только потом приводить мужа.

Женщина Стаса дома не застала, вместо него напоролась на Марьяну. Та насмешливо припомнила самогонщице наказ Захара и завернула ее обратно.

Сквозь сон, выслушав причитания Марьяны, Стас перевернулся на другой бок, мечтая побыть в одиночестве, и всерьез задумываясь о том, чтобы поменять замок на входной двери. Додумав до того момента, что за новым замком придется ехать в город, Стас понял, что усилия по замене замка в тысячу раз превышают неудобства от негромкого ворчания Марьяны. Обреченно вздохнув – ему оставалось лишь сунуть голову под подушку, дожидаясь, когда Марьяна убежится восвояси.

* * *

Непостоянная осенняя погода вынудила Стаса вернуться в деревню раньше, чем он планировал. Мелкий морозящий дождь за последний час сделал три попытки переродиться во что-то более постоянное, но ветер играючи швырял по небу небольшие тучи, не позволяя им полностью затянуть небо. Однако с севера уже надвигалась густая, плотная, непроглядная темнота и, Стас, вполне закономерно, начал подозревать, что с этой тьмой ветер не справится.

Деревенские улицы пустовали – погода разогнала людей по теплым домам. Однако нашлись и те, кто, не смотря на погоду, был вынужден выполнять свой долг. Бобров ежился

на лавке перед палисадом дома бабы Таси. В буро-зеленом непромокаемом плаще от скуки он фальшиво насвистывал мелодию некогда популярной эстрадной песни.

– Так и знал, что дождик тебя к дому поторопит, – удовлетворенно проговорил он вместо приветствия, не скрывая радости оттого, что ему не довелось долго ждать.

– Чего тебе?

– Разговор есть.

Стас молча мотнул головой, приглашая участкового в дом. Они не встречались с того самого дня, когда вместе отметили приезд Стаса. Бобров, подхватив папку с документами, прошмыгнул в дом едва ли не быстрее Стаса.

– Холодно у тебя, – недовольно проворчал он, устраиваясь за столом и потирая руки. – Дрова экономишь?

– Мне нормально. Тебя я в гости не звал.

– По деревне слухи ходят нехорошие... Марьяна против тебя людей настраивает, мол, ты велел всем уезжать из Коврово. Я, как представитель закона, обязан разобраться, народ успокоить.

– Не получится, – хмыкнул Стас. – Марьяна правду говорит.

Бобров озадаченно крякнул, задумчиво почесал в затылке.

– Но как же? Ненаша Марь тебя выбрала... Ты должен ей служить...

– Служить я должен только своей стране. К болоту в кил-

леры я не нанимался.

Бобров рассеяно завертел в воздухе рукой, подбирая слова. Наконец он глубоко вздохнул, хлопнул ладонью по столу и торжественно заговорил:

– Люди веками живут на этой земле. Кровью и слезами здешние порядки отпечатались в наших головах. Наши деды и прадеды брали на себя смертные грехи не для того, чтобы мы все бросили и трусливо засверкали пятками в угоду городским моралистам, – тут он безнадежно махнул рукой, оборвав патетическую часть своего монолога. – Неважно, веришь ты или нет... Ты не в праве просто так взять и все разрушить – лишить людей их домов, заработка, здоровья, в конце концов. Ты хоть знаешь, что в Коврово самая высокая продолжительность жизни у людей?

– Кто мне сможет помешать? – вкрадчиво поинтересовался Стас.

– Ненаша Марь! – выпучив глаза, ужасным полусшепотом ответил Бобров.

– Ненаша Марь? – повторил Стас и тяжело посмотрел на участкового. – Я засажу за решетку каждого, кто посмеет приблизиться к болоту. Если узнаю, что кто-то из местных устроит заезжим туристам экскурсию к топи, то переломаю им ноги. Я высушу это вонючее болото к чертовой матери и уеду в Москву.

Бобров притих, испугано втянул голову в плечи, словно ожидая немедленной небесной кары за неугодные речи. Ему

было не простой прийти сюда с такими речами. Вера в силу болот боролась в нем с присягой и обязанностью достойно исполнять свой служебный долг по обеспечению законности и правопорядка.

До сих пор эти две противоположные сущности гармонично уживались в его голове, нисколько не напрягая совесть. Своим возвращением Стас все испортил. Закон и Ненаша Марь прыснули по разные стороны баррикад. Бобров всем сердцем был на стороне закона, но мести Ненаша Мари он боялся еще хлеще.

– Марьяну где найти? – вдруг спросил у него Стас. Идею с лошадыю стоило воплатить в жизнь, как можно скорее. Уж если участковый, служивый человек, безо всякого стеснения превозносит болото над законом, то что говорить о простых людях? Курировать вдоль болота на лошади, карауля случайных или не очень людей, будет гораздо проще.

– Так на работе она, должно быть, в конторе.

– В какой еще конторе?

– У Уварова она, бухгалтером работает – дебет с кредитом сводит.

– Кто такой Уваров? И где его контора?

– Контора в магазине на выезде. А Уваров – наш олигарх, – усмехнулся Бобров. – Первый номер в районе Форбсе.

Чертыхнувшись про себя на собственную безалаберность, Стас решил воспользоваться случаем и расспросить о чело-

веке, у которого есть ключи от его дома. Странно, что он не сделал это в первый же день и безропотно доверил дом ключнице. Не иначе, похмелье и вольный воздух гор свели на нет его вымученную на собственной шкуре настороженность.

– Расскажи мне о Марьяне.

Бобров искоса взглянул на Стаса и, задумчиво пожевав нижнюю губу, проговорил:

– Марьяна – баба себе на уме. Для Захара она не просто ключницей была. Да и люди к ней прислушиваются. Видать, чувуют толковую голову... Знаешь, встречаются иногда такие серые кардиналы в юбках. На вид простая, как деревянная ложка, а без нее ни каши, ни борща не хлебнешь.

– Она была любовница Захара? Уверен? Не слишком ли он стар для нее?

– Точно не скажу – свечку не держал. Днем на людях они поодаль друг от друга топтались, но вот ночами она не у себя дома спала... Пока Глеба в Коврово не было, и вовсе в приживалках у Захара поселилась. А что, девка и к тебе в штаны полезла? – хохотнул Бобров. – Так ты не тушуйся, пользуйся случаем – им ведь, бабам, как и нам, охота напряжение скинуть.

– Без меня, – отмахнулся Стас. – С Уваровым Марьяна тоже крутит?

– Не, там исключительно деловые отношения. У Уварова жена – молодая красавица, на кой черт ему Марьянка сдалась? Кто с перины на лавку дубовую по доброй воле поле-

зет?

Выходит, работа у Марьяны есть, следовательно, деньги тоже. Стас перешел дорогу ее бывшему любовнику, а она носит ему продукты и убирает в доме. Странно все это... Неправильно.

– Ко мне она зачем прибилась, знаешь? Отчего такой энтузиазм грязную посуду за чужим человеком мыть?

– Мда, – снисходительно усмехнулся Бобров. – Это только для тебя секрет. Любому в Коврово известно, что род Марьяны испокон веков с колдунами в одной связке был. Ненаша Марь постаралась. Мать Марьяны ключницей была, и бабка, и прабабка. Вот только что-то Марьяна запаздывает с дитем. Пора бы уже наследницу заводить... Может, она тебя ждала для такого дела-то? Захар, как ни крути, старый был...

– Ступай-ка ты к жене, Бобров, сбрось напряжение. А то у тебя все разговоры к одному сводятся, – Стас бесцеремонно указал участковому на дверь. Выслушивать пошлые намеки надоело, сдерживать желание сломать ему нос – тоже. Хотя, стоило признать, что разговор случился в какой-то степени кстати – вернул его недоверие к людям на должный уровень. С Марьяной следует быть аккуратней. Кто знает, насколько сильно она печалится о Захаре? Есть вещи посильнее родового предназначения... Любовь как раз из их числа.

Чурки кололись с приятным слуху треском. Распадаясь на лепестки, они глухо падали на землю. Махать колунуном ранним утром было приятно и легко. Разгоряченное тело не ощущало холода даже в одной футболке. Из рта при каждом выдохе вырывалось облачко пара и быстро растворялось в осеннем воздухе, чуть прихваченном утренним морозцем. Когда вокруг колоды вырастала приличная горка колотых дров, Стас откладывал на время колун и, чтобы разнообразить физическую нагрузку, начинал складывать поленницу. Марьяна застала его как раз за этим занятием. Мазнув по нему взглядом, не поздоровавшись и не спросив разрешения, она зашла в дом, как в свой собственный. Как доктор, на ежедневном утреннем обходе, она добросовестно завершила свои хлопоты внутри и вышла на улицу, соизволив, наконец, заметить хозяина.

– Ты рано встал.

– Выспался.

– Зачем с дровами возишься? Для этого Егоша есть.

– Сам могу.

– Глупо, – пожала плечами Марьяна с таким видом, будто он не здоровый мужик в расцвете лет, а престарелая балерина, взявшаяся за колун.

– Мне лошадь нужна.

– Лошадей у нас многие держат, – Марьяна, прищурив глаза, оценивающе оглядела Стаса. – Только не каждый даст. Тебе смиренная нужна, не похож ты на лихого ковбоя... А хорошую лошадь от хозяйства никто отрывать не станет. Тем более, что всем известно – службе своей ты противишься, стало быть, пользы от тебя для Коврово – чуть.

– Я заплачу.

– Даже не думай! – строго заявила Марьяна. – Станешь деньгами трясти, в конец уважение людей потеряешь. Хочешь ты того или нет – тебе здесь жить. Ты не должен покупать – ты лишь глянуть должен и тебе все будет. Я подумаю, что можно сделать.

– Да не колдун я! – устало возразил Стас.

– Зря упрямишься – время теряешь. Откройся силе. Обычному человеку с Марью не совладать.

Стас замер, медленно склонил голову, обдумывая ее слова. Очень противоречивые слова. Освободив руки от поленьев, сбросив их себе под ноги, он приблизился к Марьяне. В сравнении с ним она была худая и маленькая, как дикая кошка в сравнении с тигром, но такая же отважная и независимая.

Женщина смахнула с лица лезшую в глаза прядь волос и открыто уставилась на Стаса. Какое-то время они молча рассматривали друг друга, пытаясь угадать чужие мысли. Заведомо бессмысленное и проигрышное занятие – чужим помыслам человек произвольно приписывает свои намере-

ния. Стас хмыкнул, тихо произнес:

– Давай, кое-что проясним: ты уверенна, что я, изведав некую незримую силу, соглашусь топить людишек, лишь бы не лишаться ее? Думаешь, бесплатные дрова привлекают меня больше, чем квартира в Москве, за которую нужно платить коммуналку? Не можешь смириться с тем, что лишишься статуса «ключницы колдуна»?

– Дурень дурнем, – беззлобно фыркнула Марьяна. – С чего ты взял, что мне нравится стирать твоё грязное белье?

– Тогда откуда такое усердие?

– Не мне менять вековые правила.

– А кому?

– Сам думай. Мое дело – по дому тебе помогать, а не советы раздавать. Я и так слишком много сказала, – быстро проговорила женщина, собираясь уходить.

– Кого ты боишься, Марьяна? Захара?

Она вскинула взгляд, поджала губы, словно сдерживая рвущиеся наружу слова. Так, не проронив и слова, гордо удалилась. Дубровин качнулся с пятки на носок, подождал, когда желание схватить Марьяну за плечи и вытрясти из нее всю правду уляжется, тяжело вздохнул и возобновил свое занятие – складывать дрова в поленицу.

Монотонная физическая работа освобождала ум, не препятствуя ему разгуляться в полную силу. Но это не помогло найти способ, как избежать новых смертей. Через час Стас по-прежнему ломал голову над решением этой проблемы.

Если допустить, что зимой болото замерзает, то у него есть время до весны. Зима длится долго, и может еще сто раз все измениться. Если они не верят ему, как представителю закона, то, как колдуну они же должны ему поверить? Он презентует людям правдоподобную басню о том, почему пора покинуть это место, иначе всех ждет жуткая смерть от... От чего именно, он придумает потом. А сейчас пора перестать спорить с судьбой и с гордостью «принять» свое предназначение...

Возня с дровами отняла целый день, но Стас не чувствовал себя уставшим. Тело легко слушалось, наклоняясь в сотый раз. Позвоночник, обхваченный тугими мышцами, упруго распрямлялся, словно свежий ивовый прут, нисколько не замечая тяжести поленьев, что Стас поднимал с земли. Прохладный, наполненный озоном горный воздух разносился кровотоком по всему организму, питая сердце и мышцы. Стас давно не ощущал себя в такой отличной форме. Вот что значит физический труд вдали от мегаполиса.

К вечеру ветру надоело ворошить пыль и сухие листья. Небо застыло яркой синевой, заставляя любого бросить все дела, наслаждаясь бездельем и по-летнему теплым вечером. Стас поддался настроению и, не запирая дом, отправился в пешую прогулку по деревне.

Благодушно щурясь на низкое солнце, Стас неторопливо переставлял ноги, иногда поддевая носком ботинка выступающие камушки. Он лениво разглядывал дома и палиса-

ды вдоль улицы, отмечая ухоженность и зажиточность дворов, совсем не свойственных каждой деревне. Где-то на краю сознания забрезжила подленькая мысль, что это все может стать его владением.

Редкие прохожие корректно здоровались издалека, но с разговорами не лезли, он вежливо отвечал легким кивком головы. Не важно, что говорят люди у тебя за спиной. Даже короли не могут избежать сплетен и проклятий. Напрягаться следует тогда, когда люди перестают бояться говорить гадости тебе в лицо. Пока же у местных не было стоящего повода считать Стаса виновником их трудностей, и они мудро держали свои догадки за зубами.

Белый ангар на краю деревни светился инородным пятном на фоне темно-зеленого леса. В прошлый раз Стасу так и не довелось побывать в этом магазине, и он решил, что делает это сейчас. Заодно и познакомится с рабочим местом Марьяны.

Оформленный по принципу городского супермаркета с множеством стеллажей заставленных самыми разнообразными товарами, магазиндохнул на Стаса смесью пластика и несвежих овощей. По факту, магазин занимал половину пространства ангара. Вторая же половина была скрыта от посторонних глаз стеной из гофрированного железа с неприметной дверкой сразу за стеллажом с бытовой химией.

Стас прошелся по магазину, прикидывая, что может понадобиться ему в хозяйстве. Задержался перед полкой с креп-

ким алкоголем. Большую часть занимали бутылки с прозрачным, как слеза, содержимым. Не заинтересовавшись исконно русской злодейкой, он задумался над бутылками цветом некрепко заваренного чая. Удивившись подозрительно маленькой цифре на ценнике, он взял бутылку в руки, пробуя разгадать секрет такой привлекательной цены.

– Могу я дать совет? – произнес мужской голос за спиной, чуть насмешливый и вместе с тем настороженный.

– Валяй. Только я еще подумаю, стоит ли брать, – не оглядываясь, так же насмешливо ответил Стас, отправляя бутылку назад, в стройный ряд к своим клонам.

– В следующий раз, когда захочешь выпить, иди сразу ко мне. Пойло, что стоит на полке, не каждый желудок сможет переварить без последствий.

Обернувшись, Стас наткнулся взглядом на мужчину. Высокий блондин, средних лет. В приличной физической форме, но не той, что дают спортзалы и длительные тренировки. Этот мужчина обладал исключительным подарком самой природы. И видно он настолько уверился в своем исключении из правил, что перестал замечать, что и хорошую генетику легко испохабить обильной едой и ленью. Слой жирка уже начал затягивать его мышцы, придавая формам мужчине некоторую плавность линий, что впрочем, не делало его мышцы слабее. Короткая стрижка, городской стиль в одежде, в словах, в подаче. Без сомнения, перед ним местный олигарх Уваров.

– Не страшно людей травить?

– Люди скорее удавятся от жадности, чем умрут от крашеного спирта, – уверенно заявил Уваров, нахально улыбнулся и поманил Стаса за собой.

Они прошли через неприметную дверь за стеллажами и очутились на складе, плотно заставленном коробками, ящиками, поддонами. Гулкая металлическая лестница сразу у стены привела их на второй этаж, где Уваров оборудовал себе офис. В узкий коридор, обшитый ничем не замаскированными листами сероватого гипсокартона, выходило несколько дверей. Распахнув настежь первую из них, Уваров заглянул внутрь.

– Марьяна, смотри, кого я нашел. Не хочешь поздороваться?

В тесном кабинете за столом, обложившись бумагами, сидела Марьяна. Недовольная тем, что ее отвлекают от работы, она, оторвав на секунду глаза от монитора, буркнула:

– Виделись.

Уваров не стал настаивать на продолжении встречи и, хмыкнув, захлопнул дверь. Жестом поманил за собой гостя, топая дальше в конец коридора, пока не уперся в последнюю дверь.

Догадавшись по добротной мебели, что это кабинет самого Уварова, Стас взглядом выбрал самое удобное кресло и, не спрашивая разрешения, развалился в нем, вытянув ноги. Откуда-то из недр массивного шкафа Уваров выудил бутыл-

ку дорогого, даже по Московским меркам, коньяка, бокалы и сел в соседнее кресло.

– За знакомство, – торжественно провозгласил он тост и залпом залил себе в горло пол бокала благородного напитка, задержал дыхание, шумно выдохнул. – Меня, кстати, Анатолий зовут.

Не став поступать с коньяком столь опрометчиво, как его собутыльник, Стас лишь пригубил напиток. Коньяк ленивыми, маслянистыми подтеками нехотя сполз на дно по стенке бокала. Играя, Стас повертел бокал в руках, заставляя жидкость растекаться по стеклу. Анатолий не стал указывать Стасу на количество выпитого, и просто долил коньяк только в свой бокал.

– А знаешь, я даже рад, что место Захара занял ты. Как ни крути, Захар был человек закостенелый, старых принципов и привычек. Работать с ним было не легко. Уверен, что теперь мы развернемся на полную силу. Сейчас, когда в моде все натуральное, наш товар разлетается, как горячие пирожки на площади в день города. Я человек серьезный, зря болтать не буду.

– Наш товар? – переспросил Стас, вскинув брови.

– Если быть точным, то товар пока не наш, а мой и Захара. Но я уверен, что ты быстро вольешься в производство. А что люди болтают, мол, не хочешь ты болоту служить – так это сплетни досужие. Ведь так? – Уваров отпил глоток, поставил бокал на пол и с каменным лицом навис над Ста-

сом, всем видом навязывая свое превосходство, физическое и моральное.

Стас спокойно мазнул взглядом по выпирающим бицепсам своего нового знакомого, сжал зубы, чтобы не усмехнуться.

– Так то оно так, – согласился он. – Только я понятия не имею, что от меня требуется. Никто не может толком объяснить все тонкости моей новой работы. А мой предшественник, как известно, исчез без следа...

– Болоту служить будешь, и само собой все наладится.

– Меня смущают некоторые моменты.

– Не красна девица – переживешь. Когда Глеба топил – от стыда не сгорел. А где один, там и другой.

Склонив голову к бокалу, Стас обдумал ответ. Ссориться с Уваровым рано, но уже ясно, что это будет самый яркий и сильный противник того, чтобы покинуть Коврово. Все благополучие местного князька держится исключительно на природных дарах, что находятся на территории вокруг деревни. Тонны грибов, ягод, дикий мед. Модные травяные сборы, что помогают похудеть, потолстеть, избавиться от морщин, простатита, кашля и еще множества как реальных, так и надуманных болезней. Не исключал он и наркотические средства, коими Уварова мог снабжать только Захар. Стас допускал мысль, что особый микроклимат болот способствовал особому процветанию Коврово, но это не давало местным права владеть лицензией на убийство. Слишком

дорогая плата за пучок трав.

– Я защищался. Не уверен, что смогу хладнокровно убить человека.

– Придется постараться, если сам не хочешь оказаться в вонючей утробе Ненаша Мари, – угрожающе проговорил Уваров.

Стас не стал отвечать. Сейчас был именно тот случай, когда молчание дороже золота. Уваров, привыкший повелевать зависящими от его настроения людьми, и мысли не допускал, что кто-то посмеет идти против него. А если кто и посмеет, то Уваров не успокоится, пока не оставит от наглеца мокрого места. Вполне возможно, что только Захар раньше имел власть над грозным барином. Теперь же, когда старый колдун исчез, Уварова распирало от собственного могущества и значимости. Стас видел Уварова насквозь – деревенский бизнесмен вздумал стать главным и единственным хозяином здешней земли, с самого начала обозначив роль нового знахаря на ступени у своих ног.

– Марьяна говорила, ты лошадь ищешь?

– Было бы неплохо, – подтвердил Стас, отметив резкую перемену в поведении Уварова. Едва тот понял, что Стас не намерен возражать, он сразу подобрел, расслабился, снисходительно глянул на Стаса, словно царь на своего подданного.

– Зачем тебе лошадь? По болоту на ней не поскачешь.

– Я собирался патрулировать вокруг болота, – не стал скрывать Стас свои планы, все равно о них уже всем извест-

но.

– Лишние хлопоты. От судьбы не уйти.

– Может, ты и прав... – протянул Стас.

– Лошадь возьмешь у Егоши. Скажешь, я велел, – вдруг заявил Уваров. – Неплохая идея с лошадью. Так ты быстрее освоишься на местности. Захар-то всякую живность презирал. Говорил, что на скотине сидеть все одно, что на навозе стоять... Но если узнаю, что ты по-прежнему болото высушить мечтаешь, разговаривать уже не за рюмкой будем.

Четко и ясно. Вручив Стасу напоследок две бутылки дорогого коньяка, Уваров, небрежным кивком головы на дверь, дал понять, что аудиенция у барина подошла к концу.

Никак не отреагировав на покровительственное похлопывание по плечу, Стас двинулся на выход. Коньяк обещал скрасить его одинокий вечер.

Распахнув дверь, Стас неожиданно наткнулся на Марьяну. Подслушивала она что ли? Проигнорировав ее неодобрительный взгляд, Стас протиснулся мимо женщины в узком коридоре и, напоследок звякнув бутылками, зажатыми в одной руке, с удовольствием покинул офис местного олигарха.

К полуночи Стас признался себе, что коньяк и одиночество – плохой коктейль. Пьяный мозг не хотел принимать необходимость сна и упорно ворошил воспоминания. Они заставляли сердце биться чаще и сильнее, от чего тупая боль в груди нарастала, мышцы стянул противный спазм, не давая возможности глубоко вздохнуть. Лишь под утро его сморил

тревожный сон, и он не слышал, как заходила Марьяна. По привычке, ворчливо ругаясь себе под нос, она навела порядок на скорую руку, обновила в холодильнике молоко, свежий хлеб выложила на стол. Старый, трехлитровый эмалированный бидон с домашним квасом заботливо пристроила на видном месте.

* * *

Золотая осень промелькнула, и потянулись монотонные, однообразные серые дни. Казалось, что небо навечно затаила сизая пелена, а солнце навсегда сбегало, подсунув вместо себя блеклое пятно, едва проглядывающее сквозь плотную пелену. Все вокруг замерло в серо-буром цвете без ярких красок и теней, словно подстраиваясь в унисон к настроению нового колдуна.

Природа привычно готовилась встречать зиму.

Колодцы стояли полными, радуя хрустальной водой своих хозяев. Настороженность и первоначальное недоверие к новому колдуну у людей схлынуло. Они затаились в своих предположениях, при случайной встрече охотно с ним здоровались, но в друзья не набивались и с разговорами не лезли. Наливке Марьяны Стас все же предпочел коньяк Уварова, благо тот стал снабжать им Стаса в неограниченных количествах. Очень скоро Стас научился справляться с накалывающейся тоской и сердце его застыло в груди равнодуш-

ным гранитным обломком, не причиняя владельцу ни радости, ни страданий.

Не пропуская мимо советы Егоши, уже через несколько дней, Стас вполне прилично держался в седле. Гнедая кобылка с белыми чулками на передних ногах, в меру резвая и послушная, быстро привыкла к прогулкам вдоль болота. Она терпеливо стояла там, где Стас ее притормаживал, когда ему требовалось спуститься к топям, и охотно шла рысью, стоило всаднику лишь цокнуть языком.

За прошедший месяц Стас довольно хорошо изучил свои новые владения. На лошади он сумел таки добраться до того места, где болота мельчали и плавно переходили в ольховую рощу, а затем и в полноценный дремучий лес. И судя по тому, как много взрослых деревьев стояли в воде, болото и не думало сохнуть, напротив, оно расширялось. Раскинутая на многие километры Ненаша Марь жила, дышала, тяжело бултыхалась и пузырилась. Это был целый мир со своими порядками и законами. И как его уничтожить, Стас понятия не имел. Невозможно уничтожить целую экосистему в одиночку. Да и надо ли это делать? Здесь, на этом краю не было такого сильного ощущения чужого присутствия в голове.

Впервые Стас испытал это новое для него чувство недели три назад. Благополучно свалил возникшую муть в голове на привычное похмелье. Коньяк быстро привел его в норму и пару дней Стас жил спокойно, пока не столкнулся в магазине со старой женщиной. Она покупала печенье для сво-

их правнуков и шутила с продавщицей скрипучим голосом. А Стас застыл в ступоре, когда увидел ее пожелтевшую кожу, скрюченные пальцы, почувствовал запах тлена идущий от нее. Черная муть внезапно завозилась в мозгу, как летучая мышь в тесной коробке. И Стас как-то сразу понял, что жить этой женщине еще два дня и умрет она от остановки сердца. Так и случилось. Узнав об этой печальной новости от Марьяны, Стас лишь мрачно кивнул и отправился к Уварову за коньяком.

Материалист до мозга костей, свое состояние он удачно приписал белой горячке. Или начинающейся шизофрении?.. Может, и Коврово заселяют сплошь одни шизофреники или алкоголики – Захар, отец Алисы, Бобров, Уваров. Деревенские тетки в придачу к Марьяне... Все они свято верят в то, что Ненаша Марь может управлять людьми и по какой-то, ей одной ведомой причине, одних наделяет могуществом, других же тянет к себе на дно.

Вот и он окончательно присоединился к этой компании. Всеобщее помешательство. От болотных испарений что ли? Надо будет при случае поинтересоваться у Марьяны – у нее тоже есть ощущение чужого присутствия в голове? Или другие симптомы? А то, что он предсказал смерть бабульки, так это сработала интуиция. Что-то такое он заметил в ней на уровне подсознания, что позволило с точностью гарантировать приближение скорой смерти. Это как если увидеть вдалеке грозовую тучу и сказать, что скоро пойдет дождь.

Возвращаясь в деревню, гнедую лошадку можно было не подгонять и даже не направлять. Умная скотинка сама знала, куда следует идти. Перед Егошиным домом каждый раз она начинала довольно ржать и похрапывать, пока не упиралась носом в калитку. Подпихнув храпом серые доски, кобылка заходила во двор и целенаправленно направлялась в свое стойло.

Сын Егоши, Иван, парень лет двадцати, обычно сдержанно кивал, встречая Стаса с обхода «владений», осматривал кобылку и снимал с нее седло. На этот раз Ваня довольно грубо выхватил повод из рук Стаса и запальчиво вскинул подбородок. Улыбнувшись воинственному виду паренька, Стас спросил:

– Чего дергаешься? Подружка продинамила?

Высокий, гораздо выше своего коренастого отца, Ваня, высокомерно процедил, смешно стараясь не разжимать зубов:

– Ты не нравишься людям. Не выполняешь то, ради чего ты здесь. Боишься руки замарать? Так освободи место для тех, кто не боится.

– Для тебя что ли?

– Пусть даже и для меня!

– Так действуй, – хмыкнул Стас. – Или тебе от меня разрешение надо? Только если рядом с болотом увижу, я разговаривать по-другому буду.

– Я тебя не боюсь!

Пожав плечами, Стас повернулся спиной к сыну Егоши и неторопливо отправился домой. Каждый раз одно и то же. Молодое поколение настолько уверенно в своей силе и правоте, что напрочь отрицает очевидные факты. Интересно, он тоже таким был десять лет назад? Стас задумчиво нахмурил лоб, пытаясь вспомнить себя в юности. Нет, таким упертым он не был. Сильным – да, был уже тогда. Глупым – нет.

Издалека он заметил на лавке перед своим палисадом размытый силуэт человека. В начинающихся сумерках было не разглядеть, кто его поджидает, но Стас не сомневался, что это Бобров. Его привычка – караулить хозяина дома на лавке. Подойдя ближе, Стас обнаружил, что ошибся. Женщина, лет тридцати пяти, откинувшись на штакетник палисада, одной рукой обнимала за плечи подростка. То, что это был именно подросток, Стас догадался интуитивно, потому что внешне парень явно догонял его в росте. Паренек уткнулся в свой гаджет и даже не поднял глаз, когда Стас остановился перед ними.

– Здравствуйте, вы ведун?

– Нет, – отрезал Стас. По одному лишь слову он понял, зачем эти двое устроились перед его домом. Кто-то подсказал женщине по доброте душевной адрес нового колдуна.

– Но как же? Мне вас точно описали... Вас ведь Стас зовут?

Скрипнув зубами, Стас исподлобья перевел взгляд на паренька. На вид вполне здоровый подросток. И даже в том, что он не поднимал головы от своей электронной игрушки, не было ничего необычного. Современные дети все чаще игнорировали слова приветствия. Только вот Стас уже знал, что мальчик болен. И не поздоровался он со Стасом не потому, что не посчитал нужным или полностью погрузился в свою игру и не заметил взрослого человека, а потому, что не существовало Стаса в собственном мире этого паренька.

Мозг мальчика казался стеклянным шаром, в котором в полном хаосе двигаются разноцветные огоньки. Каждое понятие, каждое слово этого мира в голове у мальчика горело раскаленной каплей. И если у нормального человека эти огоньки связываясь в группы и союзы, мирно оседали в упорядоченных стопках или же в слегка небрежных кучках, то у парня они беспорядочно метались, бились о стенки шара, не давая парню ни секунды покоя. Только сосредоточившись на каком-то однородном, однообразном, предсказуемом действии, парень мог почувствовать себя в тишине, перестав слышать оглушительный звон от ударов о стекло. Аутизм. К Стасу из подсознания выплыло название болезни этого мальчика.

Ну вот, началось. Марьяна предупреждала, что к нему станут везти людей в надежде их вылечить.

– Я ничем не могу вам помочь, – хмуро произнес он.

– Пожалуйста, – женщина сложила руки в мольбе. – Я за-

плачу. Сколько скажите – столько и заплачу.

– Вы ошиблись – я не лекарь. Езжайте в Москву, сходите к врачу...

– Я из Москву и приехала, – грустно произнесла женщина. – Нет таких врачей, у которых бы мы не были.

– Послушайте, женщина... – Стас хотел было послать ее сразу ко всем чертям, но вдруг почему то передумал, задумался, подбирая слова. Как ни крути все равно выходило грубо. Стас постарался смягчить тон. – Вместо отрезанной ноги можно нацепить протез, но для мозга протезы еще не придумали. Нельзя вынуть из черепа ущербный мозг вашего сына и вставить вместо него другой – мозг какого-нибудь мальчика-отличника и будущего олимпийского чемпиона. Вам не повезло – вам достался бракованный товар. К сожалению, его нельзя обменять на новый. Принять и жить дальше или выбросить – вам решать. Но починить его не удастся. Никому.

– Мой сын – не товар! – взвилась женщина. – Это ребенок! Мой ребенок! И я люблю его, таким, какой он есть!

– Да мне собственно без разницы, – пожал плечами Стас.

– Бездушный ублюдок!

Женщина продолжала кричать ему в спину оскорбления и обещала страшные кары, но Стас, не слушая ее, равнодушно захлопнул за собой калитку и запер на прочный засов, с досадой подумав, что утром придется вставать, чтобы впустить Марьяну. Она ведь не уgomонится, пока не разбудит его.

Если раньше Марьяна могла и пропустить раз другой утреннюю встречу, то сейчас она приходила каждый день, чтобы затопить печь. Стас сам не заметил, как перестал выполнять основные обязательства по уходу за домом. Он предпочитал накинуть на плечи телогрейку, чем возиться с дровами.

– Захар тоже не любил печь топить, – приговаривала Марьяна, чиркая зажигалкой. Стас в этот момент старался держаться подальше. Вид огня стал будить в его голове воспоминания о запахе паленой кожи, а по спине пробежал неприятный холодок.

Дом еще хранил тепло утренней суеты Марьяны, и Стас повел плечами, снимая куртку. В окно, сквозь полысевшие ветки кустарника заметил, как женщина за руку увела сына. Не иначе, они разместились у бабки Аглаи. Та, овдовев и расселив своих детей по городам, сдавала комнаты в опустевшем большом доме всем желающим. Этакая деревенская гостиница «все включено». Желающих было немного, в основном на постой просились редкие туристы, да такие вот страждущие выздоровления, как эта несчастная женщина.

В голове опять завозились мутные, не свои, чужие видения, мысли, думы. Стас, не глядя, дотянулся до стакана, и наполнил его сразу наполовину. Коньяк шелковым огнем плеснулся через горло в желудок. Проник в кровь, разгулялся по венам и артериям. Добравшись до мозга, мгновенно освободил его от вязкой мути, что наслаивалась на собственные

мысли. Удовлетворено хмыкнув, Стас потянулся к холодильнику. Долгая прогулка по болотам пробудила здоровый аппетит.

Приглушенный голос Марьяны, доносящийся с кухни, разбудил Стаса. Он приоткрыл один глаз. По тому, как ярко просвечивало солнце сквозь ситцевую занавеску, он определил, что формально утро давно закончилось. Марьяна что-то говорила, ей кто-то совсем тихо отвечал, слов было не разобрать, и Стас со стоном от боли в голове перевернулся на другой бок, раздраженно накрыв голову подушкой.

Ему было совсем не интересно, с кем болтала Марьяна в его доме, он вообще не хотел возвращаться в этот мир из своего сна. Еще минуту назад ему снилось, что Алиса своими нежными пальчиками перебирает волосы у него на голове. Сон был таким ярким и отчетливым, что ему до сих пор мерещилось, что он чувствует ее прикосновения на своей коже. Стас зажмурился, пытаясь вернуть то невесомое чувство из сна в свою голову. Внезапно раздавшийся смех Марьяны окончательно и бесповоротно оборвал тонкую нить ускользающего сновидения.

С глухим рычанием Стас отбросил подушку, резко встал и, не обращая внимание на ударившую в голову боль, ворвался на кухню, намереваясь вышвырнуть всех, кого увидит.

Все, кого он увидел, ничуть не испугались грозного вида хозяина, лишь вежливо поздоровались и замолчали, ожидая

ответного приветствия.

Застыв каменным изваянием в дверном проеме, Стас переводил взгляд с одной женщины на другую. И если с Марьяной все было ясно, то появление другой не вписывалось в возможную реальность.

За столом сидела Алиса.

В толстовке мятного цвета, с волосами, забранными в высокий хвост, она небрежно вертела в руке какую-то связку ключей. Ключи тихонько звякали, нарушая абсолютную пустоту, внезапно возникшую в голове у Стаса.

– Та-а-ак... – через какое-то время смог он выдавить из себя слово. Все. Допился. Пора завязывать. Стас, как был, в одних штанах, босиком выскочил во двор. Несмотря на яркое солнце, холодный осенний воздух обхватил его со всех сторон: вонзился в босые пятки, прошелся колючим валиком по плечам и спине. Наплевав на холод, Стас стремительно прошагал по пожухлой траве к колодцу. Через мгновение ведро студеной воды уже стояло на бортике. Набрав полные легкие воздуха, Стас сунул голову в ведро. Вода обожгла, схватила за уши, холодным огнем залила нос, открытые глаза. Сосуды сжались, головная боль от такого обращения обиженно сиганула глубже и замерла, не давая о себе знать. Только когда легкие в груди заняли в панике от недостатка кислорода, и кожа на лице онемела от холода, Стас вынул голову из ведра. Холодная вода с мокрых волос потекла по спине, груди, добавляя мурашек и без того замерз-

шему телу.

– Вот, возьми, – Марьяна, оказавшись за его спиной, сунула ему в руки махровое полотенце. – В дом беги, дурень, не то простудишься. Вот смеху то будет – у ведуна нос потек.

– Я не могу в дом, – простучал зубами Стас. – Кажется, ко мне рыжая гостья нагрязнула.

– Почему «рыжая»? – приподняв брови, спросила Марьяна.

– Потому что белочка, – пояснил Стас.

– Господи, – Марьяна возвела глаза к небу. – Что за бес-толкового человека выбрала Марь? Нет у тебя никакой «белочки». Не привиделось тебе.

Стас перестал дрожать, недоверчиво перевел взгляд на дом, потом снова на Марьяну.

– Иди, – подпихнула она его в спину.

Все еще сомневаясь, Стас послушно поднялся на крыльцо.

Алиса встретила его на пороге, молча отобрала полотенце, принялась растирать ему кожу. Он перехватил ее руку, прижал к своей щеке. Волшебный утренний сон стал явью. В груди сладко защемило.

– Колючий, – прошептала Алиса, но руку не отдернула, наоборот, прижала сильнее. – И мокрый.

– Я побреюсь, если тебе не нравится, – так же тихо проговорил Стас. Вопросы забились в голове, запросились на язык, но Стас сжал зубы. Нет вопроса – нет большого ответа.

– Мне нравится. Так ты здешний колдун?

– Вроде того, – дернул Стас плечом.

– Возьмешь меня к себе ключницей?

Стас вдруг понял, что стоит босой на холодном деревянном полу, а вода с волос редкими каплями скатывается по коже, рисуя за собой кривые мокрые дорожки. Но он не мог сдвинуться с места, боясь испортить счастливое мгновение. Ему казалось, если он шевельнется, то Алиса уйдет, исчезнет, не простит. Она же, обманув его ожидание, хитро улыбнулась, провела горячей ладонью по его груди, вытирая мокрые следы.

– В обязанности ключницы входит уход за телом своего хозяина?

– Да, – севшим голосом выдавил Стас.

– Так все это время за тобой ухаживала Марьяна?

– Да, – не подумав, кивнул Стас, тут же выругался. – Черт, нет! Не в этом смысле! Боже, упаси!

Алиса негромко засмеялась и, томно сверкнув глазами, поманила Стаса за собой в комнату. Через мгновение с его кожи пропало ощущение вселенского холода. Сердце ухнуло, мощно качнуло горячую кровь. Та огненной лавиной пробежалась по артериям и венам, смыла все страхи и сомнения, оставив в голове лишь одно желание.

День плавно перевалил за половину, приблизился к вечеру. Стас открыл глаза. Его пустой желудок взбунтовался, призывая хозяина на кухню. Алиса дремала, свернувшись

калачиком под одеялом, тесно прижимаясь к нему спиной. Стараясь не разбудить девушку, Стас тихонько выбрался из постели.

Кладка печи едва теплилась, быстро отдавая последнее тепло. Надо бы растопить, мелькнула короткая мысль, но тут трусливо сгнула. Стас привычно натянул на себя теплые вещи и вышел на кухню.

Как ни старался он не греметь посудой, готовя незатейливый ужин, Алиса вышла на стук ножа о разделочную доску.

– Бррр, – передернула она плечами. – Надо подтопить, иначе к утру мы станем ледяными истуканами.

– Я не могу.

– Не можешь? Закончились дрова?

– Алиса, – Стас отложил нож. – Надо поговорить.

Как бы он ни противился, как бы не старался держать себя в руках, изменения коснулись его. Он стал другой. Что это было на самом деле – шизофрения, влияние Ненаша Мари или какая то другая причина, было не особо важно. Его мозг перестал работать правильно. Он видел то, что видеть не должен, чувствовал силу, неизвестную официальной науке, и в его голове периодически сами собой вспыхивали новые знания о вещах, о которых до этого он понятия не имел. А еще, он стал странно смотреть на людей, как заводчик племенного скота смотрит на свое стадо... Появились в его жизни и слабости, которых раньше не было. Одна из них как раз и касалась печи – Стас стал бояться открытого огня. Не то

чтобы он разучился поджигать спички, но он предпочитал натянуть на себя свитер, чем лишний раз сунуть руку с горящей берестой в топку. И уж греться у костра, как раньше, ему бы нынче и в голову не пришло.

Первоначальная эйфория улеглась, сохранив легкость во всем теле. Вместе с тем подросло и осознание сложностей, что грозились обрушиться на его голову. Он изменился. И его тревожило, что его чувства к девушке тоже могут измениться. Он не хотел быть и ее заводчиком...

– Я принесу дров, а ты разожги огонь. Сама. Я не могу приблизиться к открытому пламени.

– Что с тобой произошло? – Алиса подошла ближе, озабоченно забегала глазами по его лицу, надеясь прочесть ответ в его взгляде.

– Мне кажется, я схожу с ума, – выдохнул он и криво усмехнулся. – Марьяна считает, что Ненаша Марь меня приняла и взяла под свое покровительство. Отныне я ни за что не утону в болоте. Даже если захочу...

– А ты пробовал?

– Нет, вода холодная.

Они посмотрели друг на друга, синхронно прыснули.

– Ну что ж, значит, следить за теплом в доме будет моей обязанностью, – уже без смеха заявила Алиса.

Стас кивнул, с облегчением выдохнул. Он правильно сделал, что доверился ей. Она довольно спокойно приняла все его новые причуды, недаром она была внучкой старой ведь-

мы. Вот только насколько он может доверять сам себе?

– Марьяна проболталась, что ты увлекся коньяком, – проговорила Алиса, глядя, как Стас режет хлеб. Под ножом аппетитная коричневая корочка хрустела и сыпала мелкими крошками.

– Алкоголь возвращает меня в нормальное состояние. Что бы там в моей голове не засело, оно не способно контролировать пьяный мозг. Правда, если быть честным, то я тоже плохо контролирую свой пьяный мозг... Как ты уговорила отца отпустить тебя в Коврово?

– Я прижала его к стенке одним весомым аргументом. После этого у него закончились возражения, и он даже подбрёл меня в аэропорт.

Резкий стук в окошко грубо оборвал монолог девушки. Алиса вздрогнула от неожиданности и замолчала, наблюдая, как Стас, раздосадовано отложив нож, направился к двери.

Бобров собственной персоной примчался засвидетельствовать свое почтение. На самом же деле, разнюхать, что происходит в доме Стаса, и для чего в деревню прибыла Алиса. Свое неуместное любопытство он объяснил просто – выполнение служебных обязанностей.

– Я должен знать, кто и с какой целью находится на вверенной мне территории. Люди волнуются, переживают...

– Кому есть до меня дело? – озадаченно спросила Алиса. – С каких пор Коврово закрытый поселок? Мне особое разрешение получить нужно? Цена вопроса?

– Чего завелась? – поморщился Алексей Викторович. – Несправедлива ты ко мне. Я не о себе, о людском благополучии беспокоюсь. Как никак, а от Стаса нынче зависит все Коврово. А ты же, красавица, подозрительно не вовремя являешься.

– Мне сейчас вообще не понятно, что происходит, – окончательно растерялась Алиса, переводя взгляд с Боброва на Стаса и обратно. – Как я могу навредить вашему благополучию?

Стас оторвался от созерцания своих ногтей и поднял взгляд.

– Думаю, я могу объяснить визит Алексея Викторовича. Наш многоуважаемый участковый очень хочет разнюхать, с какой целью ты прибыла в Коврово, потому что кое у кого живы воспоминания о том, что твоя бабка жила надеждой уничтожить Марь, и если связать это с моими схожими желаниями еще месяц назад, то это тревога становится понятной и вполне обоснованной. Ведь так?

Бобров кивнул, поерзал на табуретке.

– У людей едва отлегло от сердца... А тут – Алиса! Вот как объяснить бабам, зачем она приехала? А? Народ помнит, как бабка Таисия воевала с Захаром. Так Захар тебе не чета был, а ты еще слабый, можешь и прогнуться. Люди заранее знать хотят к чему готовиться, если Алиска заявила в права своей бабки вступать...

– Тебя Уваров, что ли послал? – хмыкнул Стас.

– Да пусть даже и Уваров, – вскинулся Бобров. – Что с того?

Стас равнодушно пожал плечами, посмотрел на Алису.

– Ну, расскажи человеку, зачем приехала, а не то будет под окнами вертеться, пока не разнюхает. Приказы хозяина надо исполнять. Так, Алексей Викторович?

Бобров не ответил, тяжело вздохнул.

– Я к своему мужчине приехала. Что он велит, то я и сделаю, – провозгласила Алиса, поймав одобрителный и немного насмешливый взгляд Стаса. Участковый кивнул с облегчением, но недоверие на своем лице скрыть не смог, да он особо и не старался, главное – формальности соблюдены, можно спешить с докладом к своему поручителю.

– Так ты сделаешь все, что я прикажу? – подозрительно прищури́в глаза, поинтересовался Стас, едва за участковым захлопнулась дверь.

– Я никуда не уеду, если ты об этом, – фыркнула Алиса. – Болото своего добилось – ты здесь. Не думаю, что болоту есть дело до того, с кем ты спишь – лишь бы не вздумал рвануть обратно в Москву. Значит и мне бояться нечего.

– Вот в этом и проблема. Марь – не угроза, а вот люди... Думаешь, Бобов поверил тебе? Да он считает, что ты копия своей бабки – и силой и характером, а значит и желаниями. А желание у твоей бабки было одно – высушить Марь.

– Да плевать мне на болото! – в сердцах воскликнула Алиса. – Я к тебе приехала!

– Выходит, ты готова провести всю свою оставшуюся жизнь в этой глуши? Бросить работу, родителей, друзей, отпуск на море, кафе-рестораны, салоны красоты, торговые центры? Бросить все, лишь бы быть со мной? Спокойно встречая меня после очередной «кормежки»?

Алиса отвела глаза, закусил губу. Стас вымучено хмыкнул. В наши дни «женой декабриста» быть увлекательно тогда, когда твой порыв оценят, «лайкнут», поддержат комментариями. А здесь, какие комментарии и «лайки»? Любовь в Москве и любовь в Коврово – абсолютно разные вещи. Не вляпался на прогулке в коровью лепешку – вот и ладно, вот и состоялся романтический вечер в деревне. Прав был отец Алисы – эта глушь не для нее.

– Можешь не отвечать.

Девушка, сердито сверкнув глазами, ушла в комнату, хлопнув дверью. Стас сжал виски в ладонях. Молекулы спирта, коими он вчера вечером под завязку наполнил свой организм, благополучно были переработаны и уничтожены его печенью. Он чувствовал, как его кровь, просто идеально-го состава течет по венам, а значит и омерзение от чужеродного присутствия в голове за спиной не за горами. Каждый вечер напиваться в стельку, когда рядом Алиса, он не станет. Не сможет. А вот сможет ли он на трезвую голову наблюдать, как сходит с ума? Вопрос...

Алиса просидела в добровольном заточении до утра. Стас не знал, радоваться такому повороту или нет. За ночь дом

выстудился, и девушка не могла не заметить, что пора топить печь. На грохот сваленной охапки поленьев она высунула из комнаты разлохмаченную голову.

– Кажется, я уснула... – виновато проговорила она.

В голове у Стаса что-то знакомо загудело, будто в компьютер загрузили новые данные и необходимо срочно их обработать. Он не мог понять, что происходит с девушкой. Она начала двоиться у него в глазах. Стас мотнул головой – видение исчезло, подбросив вместо себя непонятное послевкусие, вроде как приятное, но вместе с тем напряженное и тревожное. Чертово болото!

Истинная внучка деревенской колдуньи, Алиса умело растопила печь, подмела пол от мелких щепок и трухи, аккуратно сложила лишние поленья у стены. Когда ей надоело изображать радушную хозяйку, она распрямилась, сделала глубокий вдох, словно собиралась сигануть вниз со скалы в пучину, и посмотрела в глаза Стасу.

– Я сейчас тебе кое-что скажу. Должна сказать... Я потому и приехала...

Стас заметил, как у нее мелко-мелко задрожали руки, и слезы наполнили глаза, готовясь хлынуть по щекам. Что ужасного она может сказать? Вряд ли есть такие вещи, ради которых стоит лить слезы. Ему захотелось обнять ее и прижать к себе. Он даже протянул руку, чтобы ухватить ее за запястье, но она решительно вырвалась, отступила на два шага назад и выпалила:

– Я жду ребенка.

Выстрел в упор не мог бы произвести на него такое впечатление, как ее слова. На его лице не дрогнула ни одна мышца, ни на миллиметр не шевельнулись ни веки, ни губы. Внутри же стало пусто пусто, словно огромное цунами пронеслось по городскому пляжу, затянув в свою воронку все, кроме девственно чистого песка. Он медленно кивнул, показывая, что услышал. Чувства и мысли постепенно занимали положенные им места в голове. Не могли найти свое место исключительно эмоции. Ему явно потребуется время, чтобы найти верные.

– Понимаю, ты не готов стать отцом. Но так получилось... Сразу хочу предупредить – я намерена сохранить это ребенка. Против ты будешь или нет – для меня не имеет значения. Но я должна была поставить тебя в известность.

Главное сказано – отступить некуда. Алиса перестала дрожать и воинственно уставилась на Стаса, сложив на груди руки.

– Я – не против, – задумчиво произнес Стас, растягивая слова. Он еще не решил, нужен ли ему этот ребенок, но вот то, что не желает ему смерти, Стас знал абсолютно точно. Но и создавать очередную бессмысленную жизнь только для того, чтобы через несколько десятков лет это существо благополучно встретило смерть, он тоже не планировал. Он вообще никогда не задумывался о детях, ни о своих, ни о чужих. Это как знать, что в галактике, кроме Земли есть и другие

планеты, и вместе с тем они никогда, ни при каких обстоятельствах не смогут оказать влияние на твою жизнь. Стас усмехнулся про себя, а теперь, значит, то ли Марс, то ли Венера собираются пожаловать к нему в дом. Господи, сколько сейчас принято держать ребенка при себе? Его можно выставить из дома в восемнадцать или положено ждать, когда он сам уйдет на вольные хлеба? А если будет девочка? Ему, что ж, придется учиться заплетать ей косички? Твою ж мать! Да я уже планирую свою будущую жизнь с ребенком под одной крышей, выругался про себя Стас, с трудом удержав маты на кончике языка. Должно быть, выражение его лица заставило Алису определенные выводы, так как она вдруг, стараясь не делать резких движений, попятилась назад, пока не уперлась спиной в буфет.

– Стас? – робко спросила она, не выдержав долгой паузы.

Он выставил перед собой руку, призывая ее к молчанию. Прежде чем открывать рот, следует все обдумать. У нее было время принять и осознать свое будущее, у него – нет. Черт! Да как так получилось, что эта деревня выкрутила его жизнь с ног на голову! Он уже не холостой офицер спецслужбы с вполне определенным будущим, а влюбленный колдун, ожидающий ребенка! На секунду он пожалел, что не курит – отличный повод выйти из дома. Ну, значит, он выйдет без повода. Стас развернулся на каблуках. Ему надо переварить известие в одиночестве.

Утренний морозец прихватил пожухлую траву. В местах,

куда еще не дотянулись солнечные лучи, белесый иней делал траву похожей на седые волосы какой-то старухи.

Ребенок, значит ребенок, решил про себя Стас, не протянув и минуты в одиночестве. Если Алиса выбрала его, он примет от нее и двух. Или трех... Но точно не больше. От большего количества маленьких липких ручонок, хватающих все подряд, он, безусловно, спятит.

Пока его не было, она присела за стол, подтянула колени к подбородку. Ранний срок вполне допускал принять ей такую позу. В глазах Стаса ее фигура опять начала двоиться, словно кто-то порывался создать копию в иллюзорном мире. На этот раз он понимал, чем вызвано это виденье – у Алисы было два сердца. Хотя, если быть точным, то одно сердце и одно совсем крошечное сердечко. Стас присел перед ней на корточки, заглянул в глаза.

– Прости.

– За что?

– За то, что прогнал тебя. За то, что уехал. За то, что оставил тебя одну минуту назад. И за то, что отныне, если захочешь уехать ты – я тебя не отпущу.

– Глупый, я на это и рассчитываю, – выдавила Алиса, с трудом справившись с подкатившим комом в горле.

* * *

Зима вступила в свои права резко, без предупреждающего

первого снега, без многочисленных периодических заморозков, сменяющихся оттепелями. Просто однажды утром Стас выглянул в окно и увидел, как вся округа превратилась в сияющий лунный свет. За одну ночь природа навалила пушистые сугробы. Снег драгоценным шелком переливался под утренним солнцем, покрывая все возможные поверхности. Темно-зеленые ели на горе стали казаться ярче, застыв колючими треугольниками на белоснежном покрывале. К вечеру снежный покров несколько не потерял в своем объеме, напротив, мороз на улице стал прищипывать щеки и носы, доказывая свое полноправное владычество.

Восторженное детское настроение от первого снега передалось и некоторым взрослым. Молодые и не очень пары вперемешку с деревенской ребятней ринулись на склоны в поисках наилучшей природной горки. Все заготовки на зиму были заготовлены, все засолено, замариновано, высушено и разложено по погребкам и амбарам. Скотина заперта в хлевах и овчарнях. А что не сделано – то не сделано. Уже ничего не изменишь.

Затем наступило зимнее умиротворение. Люди засели по домам, занялись ремеслом и рукоделием. Домовые трубы круглосуточно чадили в небо, разбавляя его голубизну серыми мутными мазками.

Стас на гнедой кобылке ежедневно патрулировал болото. Лед сковал его толстой коркой, но были и места, которые не замерзали даже после длительного мороза. Морозными дня-

ми эти места было видно издалека по клубящемуся над ними туманом. Значительную часть топи покрывал опасный слой шуги и спрессованного снега, под которыми поджидала незадачливого путника мокрая ловушка. Каждый день Стас оглядывал свои владения с высокого берега, каждый раз опасаясь заметить человеческие следы.

На нетронутом снежном покрове любой след бросался в глаза за много метров, и к середине зимы Стас научился с первого взгляда различать отметины любого зверя или птицы, что зимовали в здешних краях.

Иногда с ним отправлялась и Алиса. Егoшa подобрал для нее невозмутимого и такого ленивого мерина, который, даже учуяв стаю волков, не сдвинется с места, пока те не ухватят его зубами за упитанную ляжку.

Марьяна не забросила свои обязанности, хоть и стала появляться в их с Алисой доме гораздо реже, чем прежде. Для Алисы она незаметно превратилась в единственную подругу в этой забытой богом деревне. Раз в неделю они ездили в ближайший городок за покупками развеяться, чтобы окончательно не сойти с ума от бесконечного белесого пейзажа.

Жаждающих помощи от колдуна и останавливающих на постой у бабки Аглаи людей, Марьяна лихо научилась заворачивала назад, стараясь не допускать их к Стасу. Он же усердно прикидывался солдафоном, тщательно скрывая свои новоприобретенные способности даже от Алисы.

Признавшись, наконец, самому себе, что с ума он не со-

шел, скорее напротив, еще никогда его ум не был так полон и ясен, как сейчас, Стас быстро овладел управлением вновь открывшимися возможностями. Какое то время он потратил на то, чтобы научиться отключать этот новое чувство. Он так и не придумал ему названия, но с каждым днем все больше склонялся к тому, что к общепринятому понятию о колдунах и ведьмах его новые навыки не имели никакого отношения. Скорее это было похоже на развитую до космических масштабов интуицию. Ненаша Марь перестала для него быть просто болотом. Он на физическом уровне воспринимал ее мощь и силу, но это не прибавило к ней почтения. Она была, как ненасытная черная утроба, набитая мертвыми человеческими телами, счет которых перевалил за третью сотню.

– Тебя Уваров искал, просил зайти к нему, когда приедешь, – Егоша перехватил Стаса перед своей калиткой. Дернув лошадь за повод, он завернул ее со двора.

Стас кивнул, обозначив, что услышал. Он устал и не особо хотел ползти в гору, чтобы выслушивать от Уварова очередной сказ о процветании деревни под его чутким управлением.

– Ты бы съездил сейчас, а то Уваров три раза о тебе спрашивался уже. Видать, что-то важное.

– Ладно, – буркнул Стас, разворачивая лошадь. Кобылка возмущенно всхрапнула, недовольная тем, что ее вновь завернули в дорогу, когда теплое стойло, с кормушкой полной

овса, было так близко.

Новенький сруб Ковровского хозяина возвышался двумя этажами на краю деревни. Кобылку Стас пристроил меж двух глянцевого боков внедорожников, непочтительно намотав повод на боковое зеркало Уваровского автомобиля. Вторая машина была ему не знакома. Номера чужого, северного региона. Не иначе, Уваров меня вызвал, чтобы похвастаться ручным колдуном перед своими городскими друзьями, мелькнуло в голове у Стаса. Он хотел было развернуться, чтобы уйти, но вдруг передумал, сердито стукнул в калитку. Толик хочет позабавиться? Будет ему забава...

– Проходи скорей, мы тебя заждались, – бодро потирая руки, Уваров встретил Стаса в прихожей. – Есть хочешь? У меня перепела фаршированные – пальчики оближешь.

Гостиная местного царька была обставлена в лучших традициях царского охотничьего домика. Ковры, широкие диваны, медвежье чучело, на стенах – рогатые головы лосей и оленей. Громоздкий стол из цельного дубового спила, залитый новомодной глянцевой эпоксидной смолой, ломился от тарелок и салатников с закусками. По центру стола красовалось круглое блюдо с выложенными по кругу тушками птицы.

Не раздеваясь, Стас протопал по дорожному ковру в обуви и уселся напротив незнакомого мужчины. Тот недовольно поморщился, но ничего не сказал, лишь приветствуя, пренебрежительно кивнул. За спиной кто-то тихо поздоровал-

ся, сдерживая надрыв, кашлянул. Стас не обернулся. Он уже знал, зачем его позвали.

– Меня зовут Илья Петрович, а это – моя жена Наташа, – указав куда-то за спину Стаса, произнес мужчина. – Мы приехали за помощью. Толя сказал, что есть шанс.

– Толя сказал, Толя пусть и помогает. Меня зачем дернули? Устал я, замерз, – Стас для убедительности передернул широкими плечами под паркой.

– Ты дурой-то не прикидывайся, хватит зря место занимать, – встрял Уваров. – У Ильи Петровича жена болеет. Посмотри ее.

Стас обернулся. Худая, с торчащими скулами, женщина, закутанная в дорожную, отороченную мехом, шаль, вскинула глаза на Стаса. Раздирающая душу, последняя надежда на жизнь брызнула из этих глаз. Столкнувшись с холодным равнодушием Стаса, надежда рассыпалась в пыль, как хрустальная ваза под дорожным катком. Женщина обреченно отвернулась. Она все поняла без лишних слов.

– Не жалец, – проговорил Стас, нисколько не пытаясь смягчить углы.

– Ты что несешь? – зашипел Илья Петрович, широким махом сдвинув перед собой посуду.

– Стас, ты не торопись. Посмотри еще раз. Поговори, расспроси, послушай. Вдруг чего упустил. Захар по-другому людей смотрел, – засуетился Уваров. – Он и от рака, будь он неладен, способы подбирал. Не всегда, конечно брался, но

бывало и такое.

– Нечего тут смотреть, – грубо оборвал Стас, неожиданно он понял, отчего Уваров заюлил перед важным гостем. Денег ему стало жалко. Не иначе Илья Петрович отвалил Уварову приличную сумму за организованную встречу, а если жена поправится, то награда удвоится, а может и утроится.

Легкие женщины были залиты вязкой мокротой, серьезно укорачивая полноценный вздох. Опухоль жутковатым крабом без панциря вросла в бронхи, забирая себе положенный организму кислород и микроэлементы. Единственное, чем Стас мог помочь этой женщине, так это напоить ее успокаивающими отварами, чтобы ей было не так страшно умирать. Впрочем, все эти успокоительные есть в любой больнице, пожал он про себя плечами и встал, собираясь уходить. Настроение позабавиться над гостями Уварова исчезло.

Илья Петрович, мужчина в расцвете сил, решил просто так не сдаваться. Он вмиг подскочил к Стасу и схватил за его отвороты на расстегнутой парке с намерением потрясти за грудки, но смог лишь оборвать шнурок, что тянулся от капюшона. Стас не шелохнулся, отстраненно наблюдая, как мужчина с утробным рыком треплет на нем куртку. Нет, не жену свою он жалел, а себя. Свою сытую, удобную, размеренную жизнь, которая рухнет, стоит умереть женщине. Стас утомленно вздохнул, расправил плечи, одним рывком освободился от Ильи Петровича, другим отшвырнул того на пол.

– Да отцепись ты от меня, – брезгливо бросил Стас муж-

чине через плечо, направляясь к выходу. – Тебе ли истерику закатывать?

Вслед за Стасом рванул Уваров, угрюмо попросил его задержаться на крыльце.

– Тебе трудно было быть ласковей? Заговорчик какой-нибудь прошептать? Травки-муравки предложить? – проговорил Уваров, прикуривая сигарету.

– С какой стати?

– Иначе, ты, друг мой, нищим проснешься. Алиску свою нечем кормить будет. Ты думаешь, кто твои дрова оплачивает? Молочко свежее? Я! – Уваров стукнул себя в грудь свободной рукой. – Ты – мне, я – тебе! По-другому система не работает! Думаешь, я не вижу, что ты силу свою почувствовал? Повадки свои от меня не скроешь, я – не Марьяна. Это ей ты можешь чушь плести – она проглотит и не подавится. А мне Захар объяснил, что замечать надо.

Стас вздрогнул от налетевшего порыва холодного ветра. В жарко натопленном доме он вспотел под паркой, и сейчас ему было вдвойне холодно. Он спустился с широкого крыльца вниз, на чисто подметенный двор.

– Ты больше меня на такие представления не зови – не приду, – бросил он через плечо вмиг покрасневшему от гнева Уварову. – И вообще, завязывай ты с Коврово, Ненаша Марь высохнет скоро.

– Ах ты, дерьма кусок! – зарычал Уваров ему в спину. – Я тебя лично утоплю в болоте!

Стас вдруг развернулся на месте, взлетел на крыльцо, приблизил свое лицо к лицу Уварова так близко, что едва не касался его носом и шепотом произнес:

– Ты осторожней с угрозами, Ненаша Марь лишь меня признает, а врагов моих – ночью к себе тянет.

Бросив побледневшего Уварова обдумывать сказанные слова, Стас вскочил в седло и резвой рысью отправил кобылку прочь.

Угрожая Уварову, Стас не лгал. Ненаша Марь действительно представляла опасность для врагов своего любимчика, ей вполне могло взбрести в голову, или куда-то, что заменяет ей эту человеческую часть тела, притянуть поганца пройтись по болотам. А вот этого Стасу было совсем не нужно. Будь его воля, то он предпочел бы для Уварова любую другую смерть, только не в болоте. Нажравшаяся топь в благодарность за дополнительный ужин еще долго будет держать воду в колодцах, чего Стас и стремился избежать всеми силами.

До сих пор ему это вполне удавалось, хоть и без особых усилий. Топь погрузилась в зимнюю спячку, а люди не спешили лезть сквозь сугробы, чтобы полюбоваться на болото. Марьяна как-то раз случайно обмолвилась, что зимой колоды пересохли лишь однажды, много лет назад, когда у Захара родился второй сын.

– У Захара есть второй сын? – насторожился тогда Стас.

– Нет, он погиб в младенчестве, – успокоила его Марья-

на. – Но когда Алиса родит тебе ребенка, я бы на твоём месте не торопилась заводить второго.

– Тебе многое известно, Марьяна... Скажи, тебе нравится такая жизнь?

Женщина махнула на него рукой, словно прогоняла назойливую муху.

– Не мне выбирать.

– Ты не сказала – да, – заметил Стас.

– Я не сказала – нет, – поправила его Марьяна. – А на душещипательные темы разговаривай со своей женой. Она грустит, когда ты поздно приходишь домой.

– Она мне ничего не говорила, – нахмурил брови Стас. Вот так неожиданная новость!

– Она тебя жалеет, дурня. Не хочет навязываться. Думает, что ты не рад ребёнку.

– Это не так.

– Так не так, – проворчала Марьяна. – Смотри, скоро чуток в тебе человеческого уцелеет. Болото-то тебя прогнуло, как ивовый пруттик. Скоро весна... Тебе пора решать.

– Что решать?

– Сам знаешь, – сказала тогда, как отрезала Марьяна.

Он знал. Ещё как знал. Отныне, когда сила болот была с ним, ему не надо было роту солдат, чтобы патрулировать территорию. Он и так прекрасно угадывал любую живность, что приближалась к топям. Как следствие все, что трепыхалось в болоте, отдавалось у него где-то под лопаткой дрожа-

щей жилкой.

Соблазн обосноваться в Коврово навечно с каждым днем становился все сильнее. Москва, с ее ритмом и огнями слабо брезжила где-то на задворках памяти. Все, чего он желал, было здесь, в Коврово... Пора решать... Стас потянулся, как сытый кот. Нечего было решать – он дал слово и отступать был не намерен.

Беременность Алисы протекала легко. К началу весны формы девушки смягчились, живот прилично округлился. Стасу нравилось наблюдать за ней – как она ходит, как ест, как спит. Что у них будет мальчик, Стас знал задолго до того, как это показало УЗИ. На скрининг Алисе приходилось самостоятельно летать в Москву, без Стаса. Где-то в глубине души у того прочно засел вид Алисы в приемном покое травматологии, и больше всего он боялся, что навредит ей своим присутствием, стоит ему уехать от топи далеко. Поездки в ближайший городок были не в счет, оттуда они возвращались тем же вечером.

Со временем в голове у Стаса успокоилась и оформилась мысль о том, что он будет отцом. Он чувствовал, как в животе у Алисы растет ребенок, как стучит его сердце, от этого у него порой замирало свое, вызывая чувство трепета перед новой жизнью.

После угроз Уварова Стас запретил Алисе одной выходить из дома: боялся, что через нее Уваров попробует повлиять на самого Стаса. Марьяне Стас тоже не особо доверял, хоть до сих пор она ни разу даже случайным намеком не дала понять, что сможет пойти против.

С каждым днем солнце становилось все яростнее, дни, когда небо затягивала серая зимняя мгла, промелькнули дале-

ко позади. Весна торопила свое приближение, Стас же мрачнел все больше. Близился день, когда черная утроба потребует жертву, а жители Коврово (здесь явно не обошлось без посулов, а где-то даже и угроз, Уварова) упорно игнорировали его предостережения.

* * *

Самолет мягко коснулся шасси бетонной ленты. Еще несколько минут, и она вновь увидит Стаса. В последнее время перед ее отъездом он стал таким далеким и чужим, будто улетел на другую планету. Все чаще случались дни, когда они перекидывались едва ли парой слов. И пусть, вечная угрюмость Стаса отбивала всякое стремление поговорить с ним на чистоту, Алиса скучала без него. Серая суета Москвы только усилила это чувство.

Проведя две последние недели в Москве, она с робкой надеждой на перемены возвращалась в Коврово. Но едва она взглянула на сумрачное лицо встречавшего, как поняла – ничего не изменилось, напротив, он еще крепче сросся с болотной сущностью.

– Как дела? – нейтрально поинтересовалась она, взяв себя в руки.

– Нормально, – проговорил Стас, выруливая со стоянки аэропорта. Им предстоял долгий путь в Коврово. – У тебя как?

– Скучала, – просто ответила она. Он вдруг принял на обочину, резко надавил на педаль тормоза. Автомобиль с сухим шорохом гравия под колесами протащился по обочине юзом и замер. Стас бросил руль, притянул Алису к себе, зарылся носом в ее волосы.

– Я боялся, что ты не вернешься, – пробурчал он. – Я вел себя, как конченный придурок.

– О, да, – подтвердила Алиса, уютно уткнувшись ему в грудь. Стоило мучиться две недели, чтобы услышать эти слова.

– Переночуем в городе?

– С удовольствием, – промурлыкала она. Стас усмехнулся, пусть на одну ночь, но он избавится от постоянного присутствия болотной твари в своей голове. Здесь она не могла до него дотянуться в полную силу, а слабые подвывания в виде снов, он давно научился не замечать.

Свободных номеров в гостинице нашлось более чем достаточно, и они выбрали просторный номер с окнами на закат.

– Я в душ, – заявила Алиса, мельком осмотрев номер. Ей хотелось напоследок сполна насладиться благами цивилизации. В душевой зеркало во всю стену без прикрас отразило ее располневшую фигуру. Живот выдавался вперед упругим шаром. Алиса повертелась перед зеркалом, тяжело вздохнула. Неудивительно, что Стас перестал обращать на нее внимание. Толстая, в валенках, с вечной гулькой на го-

лове. Она, даже будучи в Москве, не пошла на маникюр. А смысл? Несколько раз растопить печь, пару дней помыть руками посуду и все насмарку! Не помогали даже нитриловые перчатки, что она закупала пачками.

В дверь тихонько стукнули.

– Не пущу! – воскликнула Алиса.

– Я лишь хотел спросить, что ты будешь на ужин?

– На твой вкус, – выкрикнула она через дверь.

– Мусс? Какой именно?

– Да не мусс, – чертыхнулась она. – Закажи, что хочешь.

– Точешь? Послушай, открой дверь, я тебя не понимаю.

Алиса сердито топнула ногой и, приоткрыв дверь, высунула нос наружу.

– Я говорю, закажи на свой вкус, – повторила она и, взвизгнув, отскочила назад, пытаясь прикрыться полотенцем – Стас бесцеремонно дернул створку на себя.

– Почему ты прячешься от меня? С каких пор ты стала меня стесняться?

– С тех самых, как мой живот раздулся до масштабов нашей галактики! Ты не замечаешь меня несколько месяцев, что я еще должна думать? Ты даже не спишь со мной в одной постели!

Стас на пару секунд прикрыл глаза, собираясь с мыслями. Только вот мысли нисколько не хотели собираться. Они скромно зажались по углам, а на главной сцене горела лишь одна – без лишних слов оказаться с девушкой в постели. Ее

обнаженное тело под белым полотенцем будоражило кровь сильнее любого адреналина. Стас глубоко вздохнул, медленно выдохнул. Открыл глаза.

– Будь ты весом хоть три центнера, я все равно буду любить тебя. Я просто боялся тебе навредить. Я и сейчас боюсь... Это правда... Но я больше не могу терпеть.

Он сделал шаг к ней навстречу. Она не отшатнулась, не стала удерживать на себя полотенце, когда он пальцем подцепил край и потянул ткань вниз. Стас окинул девушку взглядом. Она ничуть не изменилась, только живот нагло торчал вперед, словно требовал внимания в первую очередь.захотелось провести по нему рукой. Горячая кожа под ладонью показалась твердой и упругой. Стас чуть склонился и негромко произнес, обращаясь к животу:

– Мы познакомимся с тобой позже, маленькое создание, а пока же твоя мамочка принадлежит только мне.

Он и забыл, какого это, спать в одной постели с женщиной. Она сладко сопела куда-то ему в шею, прижавшись всем телом. В голове, распознав гормон удовольствия, серым дымом за клубились чужеродные мысли, жадно впитывая эмоции. На этот раз Стас не стал закрываться от них, напротив, разрешил им разгуляться по полной, одновременно с этим выпустив свою новую силу. Тут же в уши ему ударило сердцебиение маленького сердечка, шум кровотока в пуповине и абсолютное умиротворение маленького мозга. Стас

прижал свою ладонь к животу Алисы. Даже через несколько сантиметров живой плоти он почувствовал ощутимый толчок. Маленький мозг наращивал клетки, тренируя нервную связь между собой и телом. С ребенком все хорошо, удовлетворенно осознал Стас, дав повод серому туману в голове закружиться с удвоенной энергией.

Утро накрыло неожиданно, будто ночь по неведомой причине сократили на несколько часов. Оба испытывали одинаковую пустоту внутри – им не хватило ночи, чтобы успеть наполниться теплом друг друга. Еще за завтраком, в ресторане при отеле, Алиса отметила, что Стас снова будто отдалился от нее. Он молчал и отстраненно гулял взглядом где-то над ее головой.

– Стас? – девушка не выдержала первая. – Что происходит? У меня складывается впечатление, что ты хочешь меня за что-то наказать.

Он посмотрел на нее долгим взглядом, потом резко мотнул головой, прогоняя нехорошее предчувствие.

– Все хорошо, Алиса. Я немного задумался.

Было бы лучше, если бы она по собственной воле задержалась в Москве. На месяц. Или даже на полгода... Коврово совсем не то место, где следует находиться его беременной женщине. Тем более сейчас, когда болото через неделю другую начнет сушить колодцы. Уваров не посмеет тронуть его в открытую, но он не упустит шанс повлиять на него, цепля-

ясь к его женщине.

* * *

– Вы ошиблись, девушка, я – не лекарь, – Стас довольно грубо развернул молоденькую визитершу за плечи в сторону калитки. Марьяне не всегда удавалось перехватить заезжих страдальцев и тогда они донимали Стаса своими требованиями, напрочь отказываясь признавать, что он не народный целитель-самоучка. – Вам пора идти к своей сестре.

– Что я ей скажу? – сквозь слезы выдавила из себя девушка. Ее синие глаза под каплями слез театрально блеснули бездонными озерами. Сдерживая рыдания, она зажала себе рот изящной ручкой с тонкими длинными пальцами.

– Что вы уезжаете, – ответил Стас. – Больных людей нужно лечить в больницах, а не возить их по горам в безнадежных поисках чуда.

Девушка держалась из последних сил. Несмотря на покрасневший от слез кончик носа, она была очень красива, отстраненно отметил Стас. Интересно, сестра у нее тоже красавица? Или, как это часто бывает, одним все – красоту и здоровье, а другим – уродство и болезни?

– Так нельзя обращаться с людьми! – некстати вмешалась Алиса. – Девушка, вас как зовут? Принести вам воды?

– Лера, – шмыгнув носом, ответила девушка и переключилась на Алису, мигом распознав в ней слабое звено.

– Нельзя давать людям пустую надежду, – обрубил Стас. – Лера не хочет воды. Она торопится к сестре.

Алиса плечом отстранила Стаса, заставляя того отступить от девушки.

– Где твоя сестра?

– Мы комнату сняли у бабки Аглаи.

– Пойдем, я провожу тебя.

Раздраженно рыкнув, Стас скрылся в доме, бросив Алису оправдывать его грубость. Беременность нередко делает женщин сентиментальнее, чем этого требуют обстоятельства. Театральные слезы Леры навряд ли смогли бы тронуть Алису, не будь в ее крови избыток окситоцина и эстрогена.

С каменистой обочины дороги под лучами солнца уже сошел снег, но холодный ветерок с гор все еще заставлял накидывать на голову капюшоны. Притихшая Лера подстроилась под нескорый шаг Алисы. Дом бабки Аглаи был в конце соседней улице. Слишком большой для одинокой пожилой женщины.

– Как соберетесь в город, дай знать, я попрошу Стаса вас отвезти.

– Спасибо, конечно. Но нам некуда торопиться. Здесь наш последний шанс. Врачи давно махнули на мою сестру рукой. А лекарства, купирующие приступы, с каждым годом выбивать все сложнее. Мы задержимся здесь – за постой уплачено, Аглая деньги не вернет. Может, Стас передумает...

– Вряд ли, он не лечит людей.

– Но ведь он не простой человек? Он так смотрел... Я думала, что мои волосы вспыхнут.

– Не простой... – Алиса хмыкнула, уж кому, как не ей знать, как одним взглядом Стас может прогнуть человека.

– Прости за нескромный вопрос, Стас твой муж?

– Нет, – Алиса мотнула головой, чувствуя, как маленькая ржавая иголка досады кольнула ее в сердце.

– А твой ребенок...

– Это его ребенок.

– Понятно, прости. Я не хотела тебя задеть.

– Все нормально. Ты не первая, кто задает подобные вопросы.

– Вы очень красивая пара.

– Спасибо.

– Я здесь никого не знаю, а иногда так хочется с кем-нибудь поговорить... Ты вступишь меня, если я осмелюсь заглянуть на огонек? Конечно же, если Стас не будет против. Не хочу быть причиной ваших ссор.

– Новые лица в этой глуши большая редкость. Я буду рада... Уверена, Стас не станет возражать.

Конечно, не станет. Он и не заметит. Едва снег первой капелью начал сходить с крыш, Стас перестал появляться дома. Он уходил, стоило последней звезде погаснуть на небосклоне, а возвращался только тогда, когда луна твердо занимала свое законное место. Ненаша Марь требовала много внимания. И Алиса устала гадать, все ли еще Стас хочет уничто-

жить болото или он выбрал другой путь.

На обратной дороге она тащилась еще медленнее. Заломило поясницу, и переставлять ноги стало пыткой. В ушах зазвенело и в голове вдруг стало пусто, словно из черепной коробки разом вынули все содержимое. Алиса оглянулась по сторонам. Единственная лавка, что попалась на глаза, была из почерневших от времени досок и находилась по другую сторону улицы перед незнакомым домом. Все же это было лучше, чем грохнуться в грязь посреди дороги. Она успела присесть, прежде чем темнота окончательно заволокла взор. Алиса плавно завалилась на бок, глотая открытым ртом прохладный воздух. Кровь получила возможность вернуться в голову под воздействием силы тяжести, приводя девушку в сознание. Минут через пять Алиса осмелилась принять сидячее положение и с легкой паникой представила, что до дома ей идти еще метров семьсот.

Сырость и холод деревянной лавки пробрались сквозь пуховик, подгоняя принять решение. Алиса беспомощно смотрела в сторону дома, когда звук двигателя заставил ее приподняться с лавки. Водитель наверняка не откажет в помощи беременной женщине.

Новый, не значит чистый. Солидный, заляпанный грязью внедорожник на скорости проскочил мимо, игнорируя поднятую руку девушки. Алиса разочарованно выдохнула. Уж лучше бы это были старые Жигули Боброва. На них так сильно не разгонишься... Автомобиль вдруг резко затормозил,

прочертив черные жженные полосы резины на мелких камнях. Те камни, что при этом чудом задержались под колесами, с треском вылетели, стоило автомобилю сдать назад. Ну конечно, кто ж еще может содержать такой автомобиль в Коврово. Только Уваров. Алиса досадливо нахмурилась.

Уваров высунул свое приторно-озабоченное лицо в открытое окно.

– Нужна помощь?

– Нужна, – обреченно промолвила Алиса. Что он ей сделает, в конце концов, посреди белого дня? А вот уверенность в собственных силах таяла с каждой минутой.

Догадываясь без лишних слов и вопросов, какая помощь от него требуется, Уваров выбрался из теплого салона, подхватил измученную девушку под руку и помог ей устроиться на пассажирском сиденье.

Без единого намека на злой умысел от водителя, за пару минут автомобиль преодолел расстояние, на которое бы ей потребовалось полчаса.

Прошел час. Стас нервничал. На самом деле он начал дергаться еще минут тридцать назад. Но признался в этом самому себе только пару минут назад. Внешне его состояние никак не проявлялось, хотя, вероятно, близкие люди могли бы отметить его немного замедленные, с ленцой, движения, будто его организм копил энергию для предстоящего взрыва. Вдобавок, в таком состоянии, он начинал говорить тише, чем обычно. Сейчас говорить было не с кем, и он молчал,

перекатывая под натянутой кожей челюсти желваки. Причина его напряжения была проста – он с трудом сдерживался, чтобы не броситься на поиски Алисы. Плохое предчувствие уже минут сорок сражалось с его рассудком. Алисе не понравится, если он будет бегать за ней по деревне, словно курица-наседка. Он знал, что она из всех сил стремится казаться сильнее, чем есть на самом деле. Ему это нравилось. Ему было не трудно поддерживать ее иллюзии самостоятельности и независимости.

До сих пор.

Еще одну минуту. И он пойдет ее искать...

Сквозь тонкий тюль кухонного окна Стас видел, как на улицу вкатил заляпанный грязью внедорожник Уварова. Не учитывая правил дорожного движения, автомобиль двигался по центру дороги. Солнце отражалось в стеклах автомобиля и Стасу не удалось опознать ни водителя, ни пассажира. Внезапно автомобиль, практически не снижая скорости, завернул к дому Стаса.

И куда подевались ленивые движения? В один миг Стас, сжатой стальной пружиной, выскочил к воротам. И все же он не успел отворить калитку до того, как Уваров наглым автомобильным сигналом оповестил всех в округе, что привез Алису.

– Ты и в правду хреновой колдун, раз не можешь помочь даже собственной женщине, – Уваров вывалился из машины вслед за Алисой. – И смотри, – мужчина лихо обернулся

вокруг своей оси, — я жив и по-прежнему успешен. Ненаша Марь не хочет за тебя вступаться.

— Идем в дом, — Стас протянул Алисе руку, не замечая откровенного приглашения к конфликту. Он не собирался «делить песочницу» в присутствии беременной женщины.

Однако Уваров считал, что «приличные манеры» были придуманы слабаками, дабы сохранить хоть какие-то остатки достоинства. Приблизившись к Стасу, он дернул его за плечо, разворачивая к себе.

— Для всех будет лучше, если ты уберешься отсюда. У тебя было достаточно времени сделать это без лишнего шума.

— Иди в дом. Я задержусь на минутку, — ласково улыбнувшись Алисе, Стас мягко подтолкнул ее в спину, дождался, когда ее спина скрылась за калиткой и обернувшись к неугомонному Уварову, хмыкнул. — Не ты ли сам планируешь занять мое место?

— Боже упаси! — махнул Уваров рукой. — Я предпочитаю развлекаться в городе. Какой смысл в силе, если нельзя потратить деньги, как душе угодно? А на твоё место желающие живо набегут. Мари будет из кого выбрать.

— Ждешь возвращения Захара?

— Да на кой он мне сдался? Упрямый дед.

— Место занято. Я не уеду. А ты займись переездом. Откладывать все на потом — плохая привычка. Немного женская. Ты так не думаешь?

Уваров сжал своей ручищей плечо Стаса, подтягивая его

к себе, зло зашипел ему в лицо, брызгая слюной:

– Я тебя уничтожу. Отныне бойся каждой тени, каждого звука. А девку свою запри в подвале, чтобы она случайно не заблудилась в лесу. Никто не пойдет ее искать.

И почему нельзя при рождении сразу узнать: будет ли человек человеком или вырастет и станет бешеной собакой? С целью сразу душить таких людей, еще в младенчестве.

Стас чувствовал, как рука Уварова сплющила ему мышцы и кожу, прижав их к кости. Грубая физическая сила, это еще не повод для гордости. Сейчас Уварову предстоит немного разочароваться в своих талантах. Может быть, если бы вместо Стаса стояла девушка или мужик, смотревший на грушу только по телевизору, Уварову удалось бы удержаться на ногах. Может быть, если бы Уваров видел Стаса без скрывающих фигуру свитеров, он бы не допустил подобной вольности. Но все сложилось не в пользу местного силача, и та сила, что копилась в Стасе последние полчаса, наконец, нашла выход. Стас едва успел унять порыв задействовать правую руку. Это было бы слишком даже для такого засранца. Нарочно медленно, демонстрируя свои намерения и предоставляя Уварову шанс на защиту, он отвел, вслед за корпусом, левое плечо назад, собрал пальцы в кулак... Уверенный в собственном превосходстве, не замечая, что происходит, Уваров продолжал нагло скалиться. Ну что ж... Короткий, быстрый замах согнутой в локте левой рукой... и через мгновение Уваров вытянулся вдоль автомобиля, потеряв созна-

ние еще до того, как его спина и голова встретились сначала с задним колесом автомобиля, а потом и с весенней грязью.

Отвернувшись, Стас задержал дыхание, гася в себе вспыхнувшую жажду крови. Нельзя убивать людей только за то, что они желают тебе смерти. Уваров слабо застонал, тяжело приподнялся, держась за голову. Его новенькая дорогая куртка из тонкой кожи была безнадежно испачкана. Стас оценивающе пробежался по нему взглядом – жить будет. Сплюнув себе под ноги, Стас зашел во двор, демонстративно громко грохнув металлическим засовом в пазы.

– Что произошло? Ты отправилась провожать девушку, а вернулась через час с этим бедолагой. Почему тебя не было так долго?

– Час? – переспросила Алиса. Она считала, что ее не было минут двадцать. – Я устала, присела отдохнуть. Уваров был так любезен, что подбросил меня домой.

Стас не спускал с нее глаз, внимательно ловя каждое ее слово. Устала? Ложь.

– Тебе стало плохо?

– Совсем немного, – заюлила девушка. – Это ничего не значит. Так бывает на большом сроке.

– Когда тебе рожать? – вдруг спросил он.

– Через три недели, – буркнула Алиса. Близкие роды пугали ее так сильно, что она в глубине души начала жалеть, что не обезопасила себя от беременности. Стыд за свой страх удерживал от просьбы о поддержке, и Алиса страдала в гордом

одинокестве, успокаивая себя тем, что невозможно оставаться вечно беременной, и пути для отступления нет.

– Завтра я отвезу тебя в аэропорт. Ты летишь домой, в Москву.

– Нет! – вскинулась Алиса. – Мой дом здесь! И вообще, я боюсь лететь самолетом. А на поезде меня укачивает! В Челябинске отличные врачи. Отвезешь меня в роддом через три недели.

– Через три дня, – отрезал Стас. – Не обсуждается.

Алиса вскочила, раздраженно прошмыгнула в свою комнату. Краем уха слышала, как хлопнула входная дверь – Стас ушел. Он стал настолько чужой, что червячок сомнения, что завелся у нее в голове, превратился в умудренного опытным гигантского червя-переростка. Прав был ее отец, когда предупреждал о том, что болото высосет из него всю человечность!

Хорошо, она уедет... И еще основательно подумает, стоит ли возвращаться.

На следующее утро Алиса ни словом ни делом не дала понять о своих планах. Принятое вчера сгоряча решение уже не казалось единственно верным. И Алиса, как истинная женщина, великодушно разрешила себе передумать по поводу поспешного отъезда. Она поедет, когда сама того пожелает!

Избегая встречи со Стасом, девушка заперлась в дальней комнате, поджидая, когда он отправится на ежедневное патрулирование. Однако он медлил, крутился во дворе. Зава-

лил пол кухни дровами, взялся за молоток, намереваясь починить старый стул на веранде.

Очень скоро Алисе наскучило сидеть в добровольном заточении и она, накинув пуховик, вышла из дома.

– Ты куда?

– Прогуляться. От твоего вида у меня начинается изжога.

– Не хочу тебя пугать, но не выходи, пожалуйста, со двора, – мягко проговорил Стас, ловя ее за руку.

– Отчего же? Боишься, что я рожу посреди улицы? – добавив в голос желчи, произнесла Алиса. – Или того, что мне помогают добрые люди? Тебе то некогда – ты занят. Болото гораздо привлекательнее, чем толстая беременная женщина. Ведь так? Оно не требует, чтобы с ним разговаривали, жалели, ласкали. У него не срывает крышу от накативших гормонов, и оно не ревет по ночам в подушку от тоски. Ведь так?

– Алиса...

– Что Алиса? – вырываясь, она резко дернула рукой. – Не смей прикасаться ко мне! Ты мне не указ! Я сама решу, что мне делать! И когда ехать в роддом – я тоже решу без тебя!

Стас проводил ее хмурым взглядом. И как с ней справиться? Не связывать же ее, для того, чтобы отвезти в роддом? Он и не подозревал, что беременность настолько может изменить характер. Всегда разумная и открытая, сейчас Алиса откровенно скатилась до уровня истеричной стервы.

Позволив ей отойти на сотню метров, он тронулся следом. Держась на расстоянии, Стас незаметно сопровождал ее до до-

ма бабки Аглаи. Ладно, пусть пожалуется на свою жизнь новой подружке. В конце концов, всем девушкам нужно периодически изливать душу. А Уваров... Вряд ли он всерьез посмеет привести свои угрозы в исполнение. По крайней мере, в ближайшие дни он точно будет занят исключительно заботой о собственном здоровье. Сотрясение мозга, пусть и легкое – это вам не геморрой лечить – прогулки строго противопоказаны.

Убедившись, что Алиса не торопится выходить от Аглаи, он отправился к дому Егоши. Ездить на лошади по окрестностям, было не в пример быстрее и комфортнее, чем ходить пешком.

– Не велено! – Егоша, отчаянно вцепившись руками в откосы, загородил своим телом проем в конюшню.

– И кем же? – Стас склонил голову набок, с нескрываемым интересом наблюдая, как Егоша трясется от страха.

– Анатолий Михайлович приказал.

– Анатолий Михайлович? Вот как? – Стас честно старался держать себя в рамках цивилизованного человека. – Думаешь, мне есть дело до приказов Анатолия Михайловича?

Егоша ничего не ответил, лишь еще больше выпучил глаза. Стас его понимал, простой, в общем-то, человек, а без вины угодил меж двух огней. Но жалко его не было, было жалко свои ноги и время.

– Приведи лошадь, – сквозь зубы процедил Стас, чувствуя, как в венах вдруг вскипела черная кровь – открытое

неповиновение взбесило. Стас не мог видеть выражение собственного лица, но его прекрасно видел Егоша.

Как он умудрился прочесть желание своей немедленной и неизбежной смерти в черных глазах Стаса, одному Богу известно. Но он мигом сделал правильные выводы. Через пару минут кобылка стояла под седлом перед прогуливающимся по двору колдуном. Передавая повод в руки Стаса, Егоша застенчиво прятал глаза.

– Вы простите меня. Бес попутал. Уваров, говорит, что вы не настоящий, ряженный. Велел слать вас лесом, мол, скоро другой колдун пожалует.

– Вечером заберешь лошадь у меня со двора.

– Конечно, как скажите, – суетливо закивал Егоша.

Стас вывел кобылку за ворота, легко вскочил в седло. Так вот что имела в виду Марьяна, когда говорила – стоит только взглядом показать и все тебе будет. Ощущение власти немного пьянило. Стас с трудом взял себя в руки, напомнив себе, что мания величия – нездоровый признак всем известной болезни. Еще не хватало, чтобы он возомнил себя вершителем судеб, как когда-то Захар. Видно не выдержал старый дед давления короны на свой мозг, и понесло его во все тяжкие. Колдовская династия... Ну, надо же было до такого додуматься! А ведь могло бы быть все совсем по-другому...

Болото просыпалось. Болотные первоцветы нескромно лезли в глаза яркими кляксами. На прошлогодней бурой растительности особенно были заметны желтые пятна калужни-

цы. И хотя за зиму у Стаса было время изучить окрестности вдоль и поперек, сейчас он заново открывал для себя некоторые места. Освободившись из-под снега, ландшафт удивлял неожиданными красками и рельефом.

Соскочив с коня у молодого осинника и вытащив из седельной сумки топорик, Стас короткими замахами стал подрубать молодые деревца. Нарубив полную охапку, он по одному счистил с них лишние ветки, затем увязал голые стволы в одну связку и приторочил за длинную веревку к седлу. Кобылка послушно потянула связку за собой, непроизвольно маскируя свои следы мелкими бороздами.

У старой березы Стас спешился. Окинул взглядом болото. Оно еще спало, сильные зимние морозы достаточно глубоко проморозили почву. Он чувствовал.

Выбросив из головы все эмоции, чтобы случайно не пробудить топь, он подхватил за раз столько осинок, сколько смог унести и шагнул на ошметки прошлогоднего сфагнома.

Он планировал обозначить вешками все безопасные проходы и опасные места. Зеленая тряпка на вешке – можно идти, красная – не подходить. Работы предстояло много. Но он постарается сделать все, что в его силах, чтобы люди, случайно или по глупости, угодившие на болото, смогли выжить.

Для него же путешествие по болоту уж давно стало не опаснее, чем прогулка по городу. Многие растения и куртинки были словно светофоры, горящие красным или зеленым светом. Другие, едва заметные чужому взгляду знаки, слов-

но высокие бордюры, отделяли болотные тротуары от проезжей части. Он даже перестал пользоваться шестом, предвигая до сантиметра, насколько глубоко погрузятся его ноги в мох или черную воду.

Гораздо сложнее было научиться прятать свои эмоции и чувства. Ненаша Марь, как спящий в берлоге медведь, начала ворочаться, чуя весну и подгоняемая пустым желудком. Она уже не была скована морозами, но и для окончательного пробуждения ей не хватало сильной встряски. Именно эту встряску ей и должен был дать ее страж. Но Стас настолько хорошо научился отгораживаться от мира, что нередко ему приходилось напоминать себе, что он еще человек. Чтобы случайно не сорваться, он запрещал себе даже думать об Алисе, о том, что будет, если схватки застанут ее в Коврово. Он понятия не имел, что делать, если начнутся роды. А ближайшего фельдшера, что обосновался в Лесном, вечно податого пожилого мужика с сизым носом, он не подпустит к Алисе и на пушечный выстрел.

* * *

Успокоить русскую душу довольно просто. Не нужно нанимать психолога и платить ему за то, что он со скорбным видом будет слушать ваши вопли и протягивать вам исключительно белоснежные одноразовые платочки. Он будет с одинаковым одобрением слушать, как вы отрывали крылья му-

хам, незаметно плевали в еду, обидевшим вас людям, или жалеете детей-сироток, собираясь усыновить сразу десяток.

У русского человека на этот случай есть друзья и подруги, которые выслушают вас абсолютно бесплатно. Правда, вместо белоснежного платочка для ваших соплей вам предложат, в лучшем случае, чистое махровое полотенце, а может, обойдутся и старой выцветшей пеленкой. Еще подругу от психолога будет отличать некая прямолинейность и абсолютное знание того, как вам следует поступить. Подруга всегда знает, когда вам настала пора развестись с мужем или просто завести любовника. Подруга всегда подскажет, когда стоит забеременеть вопреки собственному желанию и как воспитывать ваших детей.

Хорошая дружба – это всегда очередь. Сначала психолога играет подруга, потом эту роль берешь на себя ты.

Лера очень быстро включила нужный режим. С порога она вычислила состояние Алисы по блестящим глазам и дерганым движениям. Вместо полотенца она протянула Алисе пачку влажных салфеток и заварила крепкий чай.

Через час девушки сидели, обнявшись, с опухшими от слез глазами, но вполне умиротворенные.

Еще через полчаса к ним присоединилась старшая сестра Леры. Выслушав их историю, Алиса пристыдила себя за слабость.

Сестра Леры, Катя, мучалась от приступов эпилепсии. Несерьезная автомобильная авария привела к травме голо-

вы, которая перечеркнула ей всю оставшуюся жизнь. От нее ушел муж. С работой пришлось расстаться. Кому нужен учитель начальных классов, который в любой момент может свалиться под стол с приступом? Катя уже бы давно превратилась в затворницу, если бы не ее младшая сестра. Лера за руку водила сестру по врачам, собирала консилиумы и требовала лечения. Не отмела она в сторону и альтернативное лечение. Так они оказались в Коврово.

Горная весна настолько поразила их воображение, что они решили задержаться здесь на какое то время, с тайной надеждой, что Стас передумает.

– Он никого не лечит, – разуверила их Алиса. – Захар Степанович, старый колдун, тот – да, брался иногда помогать.

– Где его найти? – встрепелась Лера.

– Не знаю. Никто не знает. Он ушел из Коврово.

* * *

Алиса с независимым видом расхаживала по дому, гордо отворачиваясь, стоило Стасу сказать хоть слово. Каждое утро ей на подмогу появилась Лера. Вдвоем они свысока посматривали на начинавшего закипать Стаса. К обеду он обычно не выдержал их нарочно бессмысленного щебетания и убирался из дома, так хлопнув дверью, что дребезжали стекла.

– Я же говорила, он не посмеет тебя заставить, – каждый

раз победно заявила Лера.

К моменту, когда Стас возвращался домой, Алиса запиралась в своей комнате, и не думая отпирать дверь на его уговоры. Он же боялся добавить в голос железа, чтобы не спровоцировать ее слезы.

На одиннадцатый день он подкараулил Леру перед воротами.

– Алиса сегодня занята. Приходи завтра. Еще лучше – через неделю.

– Ты держишь меня за дурочку? Уж я то знаю, чего ты добиваешь.

– А чего добиваешься ты? – Стас навис над ее хрупкой фигурой, рыская глазами по ее лицу. Соболиные брови девушки возмущенно поползли вверх. Чувственные губы приоткрылись, коротко мелькнул розовый язычок. Облизнув нижнюю губу, он спрятался за зубами.

– Я – ее подруга. Мне не все равно, что испытывает Алиса.

– Тебя, как подругу, не волнует, что в любой момент могут начаться роды? Кто их будет принимать в этой глуши? Ты?

– Следуя твоим желаниям, девушек нужно держать в роддоме сразу же, едва тест покажет две полоски? – усмехнулась Лера. – Должно быть, ты один в этом мире не знаешь, что беременность длится ровно сорок недель, и в роддом принимают не ранее, чем когда начнутся схватки. Если, конечно же, нет никаких патологий. У Алисы ведь нет патологий?

Вынужденный согласиться, Стас кивнул.

– Вот увидишь, все будет хорошо, – приободрила его Лера, дополнив свои слова широкой улыбкой и одновременно пробуя прошмыгнуть мимо него в калитку.

Стас вдруг угрожающе хмыкнул, поймал ее за руку, бесцеремонно отдернул назад.

– Ой, – испуганно вскрикнула девушка, потирая запястье. – Не смей меня трогать!

– Ты со мной в игры решила поиграть? – рыкнул он. – Чтобы я тебя и близко больше не видел!

Проводив взглядом улепетывающую девушку, Стас вернулся в дом и тут же напоролся на разъяренную Алису.

– Что ты сказал Лере? Почему она ушла?

– Собирайся. Ты уезжаешь, – сухо заявил он, глядя на нее из-под нависших бровей.

Лишившись тыла в виде всегда поддакивающей Леры, Алиса растерялась.

– Я не могу сейчас, – пробормотала она. – Нужно подготовиться... Постирать кое-какие вещи. Собрать сумку.

– Значит – завтра. И если я увижу здесь Леру – я отведу ее на болота.

– Ты шутишь? – криво усмехнулась Алиса.

– Нет.

– Так вот в чем дело! Грязный колдун! Ты проданся болотам! – Алиса замахнулась на него, не сумев справиться с эмоциями.

Стас повернулся к ней левым боком, согнул левую руку в

локте и, на всякий случай, прикрыл ей лицо. Кулачки Алисы градом прошлись по его плечу и спине, не причинив никакого вреда.

– Я с радостью уеду от тебя! – прокричала она ему напоследок в ухо.

– Отлично.

Он объяснит ей все потом. Единственное, что по-настоящему волновало его сейчас, так это уверенность, что с ней и с ребенком все будет в порядке. Он и не предполагал, что убедить в чем-то беременную женщину в сто крат сложнее, чем убедить преступника подписать признательные показания.

Алиса яростно отвергла предложенную помощь Стаса, сама выдернула из сеней чемодан.

– Уйди. Видеть тебя не могу, – глухо проговорила она сквозь зубы.

– Позову Марьяну, – ответил он.

Алиса проводила его взглядом. Едва звук от двигателя его автомобиля затих, как у нее плетью повисли руки, голова закружилась, словно из нее разом выкачали всю кровь, ноги подогнулись в коленях и она мягко, по стеночке сползла на пол. Глаза защипало от соленых капель, что вдруг сами собой покатались из глаз. Внизу живота несильно кольнуло и бедрам тотчас стало подозрительно тепло и влажно. Алиса вскочила на ноги так быстро, как только смогла. Под ней, на полу растеклось мокрое пятно.

Разум отказывался принимать очевидную истину, накручивая в уме все возможные варианты появления пятна. Алиса даже вскинула глаза к потолку в надежде увидеть там протечку. Хотя откуда в частном доме протечка? Тогда она поискала взглядом опрокинутый стакан. Тоже мимо. Руки сами собой потянулись к животу.

— Стас... — жалобно протянула она в никуда. В животе снова кольнуло, и новая порция абсолютно прозрачной воды заструилась по бедрам. И тут паника развернулась в голове в полную силу. Случилось именно то, чего так боялся Стас.

Первая слабенькая схватка была совсем не больная, как будто кто-то мягкими ладонями чуть надавил на живот. Зато она отлично помогла встряхнуть разум и взять себя в руки. Стас уехал за Марьяной. Значит скоро она придет. А если не придет? Если он ее не нашел? Алиса заметалась по дому. Она быстро переоделась в сухую одежду, и вышла на улицу, придерживая низ живота руками, в наивной попытке проконтролировать желание ребенка появиться на свет.

Молодая травка местами уже пробилась из черной земли, покрывая двор зеленым ворсистым ковром. Солнце ослепительно хлестнуло по глазам. Прекрасный день для прогулки, неожиданно подумала Алиса и тут же скрючилась на полушаге, переживая вторую схватку.

На улице не было не души. Соседние дома днем пустовали. Лишь в одном из них жила немощная старуха, но от нее толка будет не более, как если просить помощи у ближайше-

го столба.

– Стас, где же ты? – одними губами проговорила Алиса. На другом конце улицы замаячил женский силуэт. Алиса мелкими шашками заспешила ему навстречу, одновременно махая рукой. Силуэт на мгновение застыл, а потом бросился бежать к Алисе. Марьяна! Алиса не смогла больше сдерживаться, и слезы облегчения заструились у нее из глаз.

– Да что с тобой? – Марьяна подхватила девушку под руку.

– У меня воды отошли, – сквозь слезы проговорила Алиса.

– Быстро в дом.

– Где Стас?

– На болотах, меня попросил к тебе прийти и умчался.

Злой, как сто чертей...

– Марьяна, я боюсь, – прошептала Алиса.

– Ну что ты, милая. Все будет хорошо, – Марьяна погладила Алису по голове. – Все будет хорошо.

В доме Марьяна быстро застелила кровать чистыми простынями. Помогла Алисе снять верхнюю одежду, уложила в постель.

– Слушай меня внимательно, – строго проговорила она. – Я сейчас уйду. Меня не будет всего минут десять пятнадцать. Успокойся! – прикрикнула она на начавшую стенать Алису. – Я добежу до Егоши, он приведет Стаса с болота. Лежи, не бойся. Первородки не рожают за пятнадцать минут. Может, даже успеем фельдшера привезти.

– Стас его ко мне не подпустит, – через силу усмехнулась

Алиса.

– Да кто его спрашивать теперь будет, Стаса твоего? Раньше где была его голова, не мог с беременной бабой совладать?

– Он хотел меня в роддом отвезти, я не позволила.

– Хотел бы – отвез! – сердито высказала Марьяна, тут же сменила тон. – Не бойся, милая моя. Я скоро.

Пристроив на стуле у кровати стакан с водой, тазик и кинув в ноги Алисы несколько полотенец, она сорвалась с места.

За новой порцией вешек понадобилось забраться в ложбину. Привязав кобылку наверху, Стас спустился в овраг. Молодые осинки росли здесь вперемешку с молодой березой. Он успел срубить с десятков стволов, когда услышал, что наверху заволновалась кобылка. Она тихонько заржала, дернула головой, бряцая железом.

– Ста-а-ас! – далекий голос с трудом проник в овраг, за метался меж молодых деревьев.

Плохое предчувствие холодком пробежалось меж лопаток, проникло в кожу, в мышцы, в кровь, в сердце. Оно тяжело бухнуло, подкатив горький ком к горлу.

Егоша осадил хрипевшего коня перед лошадьё Стаса.

– У бабы твоей схватки начались...

Он не успел договорить предложение, как Стас уже вскочил в седло. Кобылка от такого хамского обращения припа-

ла на задние ноги, сделала круг вокруг себя и только потом, под мощным посылом всадника, с места сорвалась в галоп, легко опередив Егошиного коня.

Что-то чужеродное под толщей воды вздрогнуло, потянулось, слепо нащупывая в пространстве то, что его разбудило.

– Ну вот, милая, и папочка наш пожаловал, – проговорила Марьяна, поглаживая Алису по мокрой от пота голове. Грохот тяжелых, уверенных шагов по половицам не оставлял сомнений в их происхождении.

Что нужно говорить? Что делать? Чем он может помочь? Таким жалким и беспомощным Стас не чувствовал себя еще ни разу. С некоторым облегчением он увидел, что Марьяна вполне спокойно сидит возле Алисы. Алиса же, пусть бледная и взмокшая, но не мечется судорожно по кровати, и встретила его вполне разумным взглядом.

– Езжай за фельдшером, – приказала ему Марьяна.

– Может, лучше в город? Фельдшер ваш – коновал. Он и у кошки не сумеет роды принять, не то, что у человека.

– Хочешь, чтобы она родила у тебя в машине посреди леса? Езжай за фельдшером! Живо!

– Я Егошу пошлю, – буркнул он.

– Посылай, коли смелый такой.

Алиса вдруг напряглась, откинула голову, застонала сквозь стиснутые зубы.

Вмиг утратив смелость, Стас вылетел из дома, не заметив,

как ободрал себе кожу на запястье о торчащую из двери щеколду замка. Он боялся, еще, как боялся. Боялся, что не может ничем помочь. Боялся, что не сможет жить, если с ней что-нибудь случится. Нет, этого он не боялся. Просто знал. Вид ее огромных, наполненных болью глаз никак не хотел стираться из его памяти.

От наваждения его спас растрепанный и раскрасневшийся от быстрой скачки Егоша. На взмыленном коне он притормозил перед воротами. Стас кинул ему ключ от своего автомобиля.

– Езжай в Лесной. Привези фельдшера.

Егоша на лету перехватил ключ, пригнувшись к шее коня, поддал ему шенкелей. Стас утром бросил свой автомобиль перед домом Егоши, так он не хотел лишний раз встречаться с Алисой. Если бы он только знал... Силой бы отвез ее в больницу... Связал бы и засунул в багажник.

Марьяна вышла на крыльцо, поманила Стаса.

– Помогай, раз не сбежал. Воды принеси. Нагрей. Спирт есть? Хотя откуда у тебя... – махнула она рукой. – Коньяк-то хоть остался?

– В буфете, – буркнул Стас.

– Что ж ты за колдун-то такой впечатлительный? – усмехнулась Марьяна, наблюдая, как сгорбил Стас плечи на очередной стон Алисы, донесшийся из комнаты. – Чужая смерть тебя тоже так гнула?

– Чужая смерть меня не касается, – огрызнулся Стас,

сверкнув глазами в сторону Марьяны. — Алиса — не чужая.

— Если не чужая, чего замуж ее не взял?

— Лучше заткнись, женщина, — рыкнул на нее Стас. — Не доводи до греха в такой день.

— Марьяна!

В комнате что-то загрохотало. Марьяна метнулась на зов. Алиса вдруг захныкала, как ребенок, вскрикнула, протяжно застонала. Стас обхватил себе голову руками, отвернулся к окну, еле сдерживаясь, чтобы не удрать за ограду.

Как женщины могут брать в руки и любить то, что причинило им такую боль? И всю жизнь восхищаться и заботиться о своем мучителе? Это было выше его понимания.

Через час Егوشа загнал фельдшера в дом. Тот на удивление был трезв и собран. В чистой одежде, гладко выбритый. И когда успел? Встретившись взглядом с пугающими глазами Стаса, он подтянул живот и бочком пробрался в комнату Алисы.

Алиса закричала. Стас сгорбился над столом, словно крик придавил его непосильной ношей. Шрамы на спине зачесались так, будто были выжжены неделю назад. Как он там говорил Алисе? Что не готов пройти через это еще раз даже ради встречи с ней? Сейчас он был готов сам вложить в руки Сабира раскаленный нож, лишь бы избавить Алису от мучений.

Марьяна выскользнула из комнаты. Впервые по-человечески жалостливо посмотрела на Стаса. По-матерински лас-

ково провела рукой ему по плечу. Взлохматила непокорные вихры на голове.

– Ты выйди на улицу, подыши.

– Я не могу... Вдруг я понадобится Алисе?

– Поверь, ты последний из людей, кому Алиса даст шанс взглянуть на себя в таком состоянии.

– Еще долго? – вскинув на Марьяну взгляд побитой собаки, спросил Стас.

– Скоро уже. Иди. Посиди в машине... Я позову.

Избавленный от необходимости слышать стоны и крики, Стас смог, наконец, вдохнуть полной грудью. Мутная пелена, застилающая глаза немного прояснилась, но все равно удерживала мысли в границах одного вопроса – когда же это все закончится?

В машину он не пошел, завис во дворе, хоть и отдалился от дома, как можно дальше, к бане. Немигающим взором он уставился на входную дверь и замер. Мелькнула короткая мысль: плохо, что он не курит – нечем занять руки.

По его ощущениям прошло часа два, когда на крыльцо вышла Марьяна. Скрывая улыбку, она кивком поманила его в дом.

– Иди, глянь на сыночка.

На деревянных ногах он переступил порог комнаты. В прибранной, чисто застеленной кровати лежала Алиса, где-то у нее под боком приютился маленький сверток. Малыш не кричал и не шевелился, но Стас четко знал – с ребенком

все в порядке. Стас опустился перед кроватью на колени, дотронулся ладонью до щеки Алисы.

– Мне очень жаль.

– Ты о чем? – напряглась Алиса. Глуповатая улыбка вмиг сползла с ее лица.

– Больше никаких детей.

– Я не понимаю...

– Я не позволю тебе мучаться еще раз.

За спиной негромко рассмеялась Марьяна.

– Глупец. Счастливее матери нет никого на свете. Ты думаешь, почему девки рожают и второго и третьего, а даст бог и четвертого? Боль – ничто, когда награда – вон, под мышкой сладко сопит. Нет сильнее для женщины желания, как взять своего ребенка на руки.

– Ну что? Будем собираться? – и в, без того тесную, комнату втиснулся фельдшер.

– Куда? – отстраненно отозвался Стас, вдруг залипнув взглядом на крошечном розоватом личике. Ребенок вдруг несколько раз причмокнул сложенными бантиком губами и сморщил нос, словно ему не понравился голос фельдшера.

Марьяна подхватила ребенка с постели и уверенно сунула его в руки Стаса.

– Иди на кухню, я Алису соберу, – буркнула она и, подтолкнув его в спину, выпроводила из комнаты. Следом она выпихнула и фельдшера.

Стас не сводил взгляда с ребенка. Тот, повозившись в ко-

коне из простыни, привыкая к новым ощущениям, опять замер. Даже через несколько слоев ткани Стас чувствовал тепло маленького тельца.

– Надо бы машину прогреть, – вмешался фельдшер в их зарождающуюся безмолвную связь. – Чем быстрее мы доставим роженицу в роддом, тем лучше.

– Это обязательно?

– Так положено. Мало ли какие осложнения могут обнаружиться? В больнице аппаратура, педиатры, лекарства...

– Ключи на столе. Будь другом, заведи сам, – прошептал Стас, и не думая двигаться с места. Ребенок опять завозился, коротко хныкнул, открыл глаза. Немного ошалелыми кари-ми глазами из под припухших век внимательно посмотрел на своего папу. Вдруг нос его сморщился, губы приоткрылись, обнажив беззубые десна, и ошеломляюще громкий для такого хрупкого тельца крик, разорвал тишину. Стас заулыбался. Он уже не боялся. Ни за Алису, ни за ребенка. Их здоровью ничего не угрожает. Он знал.

– Я могу помочь по дому. К приезду ребенка принято готовиться, – на пороге Лера смущенно переступала с ноги на ногу.

Стас хмуро ее разглядывал, пытаясь спросонья сообразить, о чем она бормочет. Она забарабанила в окно, едва солнце осветило Лисьи уши.

– Я вчера приходила, тебя не застала. Завтра уже за Алисой ехать – времени в обрез.

Стас задумчиво кивнул головой. Пускать в дом постороннего человека не хотелось. Но выбирать было не из чего. Марьяна уехала в город по поручению Уварова, заодно и помочь Алисе пройтись по магазинам, прикупить кое-какие вещи для ребенка. Он же эти дни пропадал на болотах. Они окончательно вышли из зимней спячки, и что будет дальше, он понятия не имел, поэтому старался лишний раз держаться рядом, чтобы при случае предотвратить случайные жертвы. Колодцы, на его взгляд, и не думали пока сохнуть, даже напротив, вода была близка к уровню земли.

Со своей точки зрения Стас не совсем понимал, что значит «готовить дом к новорожденному», но скрыл свое невежество за хмурым, чуть озабоченным взглядом и отступил с порога, жестом приглашая девушку в дом. Миниатюрная девушка прошла мимо хозяина, обдав его ароматом свежести

и молодости. Стас совсем не целомудренно проводил взглядом ее спину. Хмыкнул про себя – молодость привлекательна одним своим видом.

– Где у вас ведра, тряпки, моющие средства?

Стас развел руками в стороны, пожал плечами. Он понятия не имел, о каких ведрах и тряпках она спрашивает. За чистотой в доме следила Марьяна, потом Алиса. Он же никогда не забивал себе голову подобными вещами. И если в своей городской квартире ему приходилось проводить уборку самому, то здесь он не делал этого не разу.

– Ладно, разберусь, – Лера энергично потерла ладони. – Пожалуй, начнем с маленькой комнаты. Ты не против?

И когда они успели подружиться? Стас нахмурился, ловя себя на мысли, что совсем не интересовался, как Алиса проводит время в его отсутствие. На душе заскребли кошки, когда он понял, что и сейчас не сможет быть с ней рядом столько времени, сколько должен проводить заботливый отец рядом со своей женщиной и новорожденным ребенком.

– Действуй, – махнул он рукой.

* * *

Оставленное на ночь открытым окно выстудило дом, и Стасу пришлось сделать над собой усилие, чтобы подвигнуть себя выбраться из-под одеяла. Вчера Лера явно переборщила с хлоркой. Когда Стас вернулся вечером, то едва не задох-

нулся – такой плотный занавес из едкого запаха был в доме.

Впервые за несколько месяцев Стас был вынужден нарушить свой распорядок. Сегодня топь останется без присмотра. Но и допустить, чтобы Алису привез домой кто-то другой, Стас не мог. Он порылся в шкафу, достал чистые джинсы, темно-синий джемпер. Усмехнулся на свое отражение в зеркале – отвык видеть себя в нормальной одежде, камуфляж прочно вошел в его жизнь.

В дверь настойчиво постучали – неугомонная Лера прибежала в надежде напроситься в попутчики.

– Мы вернемся только поздно вечером. Как же твоя сестра? – поинтересовался Стас, нескромно разглядывая полный «парад» подружки своей женщины. Свежий макияж с акцентом на пухлые губы. Распущенные волосы, при каждом движении девушки распространяли вокруг себя едва уловимый аромат цветущей поляны. Расстегнутое легкое пальто песочного цвета открывало взору нескромную блузу с таким глубоким и соблазнительным вырезом, что Стас всерьез задумался, есть ли под блузой бюстгальтер.

– О, с ней все хорошо. Лекарства есть. Бабка Аглая согласилась присмотреть за ней, если что-то случится, – прощбетала Лера, для убедительности пару раз быстро хлопнув неестественно длинными ресницами, и широко улыбнулась.

Стас вдруг словно очнулся. Да ни за что на свете! Провести четыре часа наедине с молоденькой блондинкой? Он вряд ли сумеет справиться со своим желанием придушить ее

после первой же сотни километров. За молодостью приятно наблюдать со стороны, а не слушать ее без надежды заткнуть уши в любой момент.

– Думаю, что больше пользы от тебя будет здесь. Мы вернемся поздно. Ночи еще холодные и было бы неплохо протопить дом к нашему возвращению.

Стас похвалил себя за вполне благовидный предлог. Более он не собирался настраивать против себя подруг Алисы, своими манерами отваживая их от дома. Ей и так одиноко в этой глуши.

– Да, ты прав, – Лера не скрывала своего разочарования, но и причин для возражения не нашла. Она так глубоко и волнительно вздохнула всей грудью, что Стас с трудом отказался от соблазна выдумать какую-нибудь печальную новость, чтобы повторно оценить объем ее легких.

* * *

Малыш, абсолютно равнодушный к тому, что его родители негромко спорят о том, где ему жить, сладко спал в своем кресле-колыбели всю обратную дорогу.

Спор невольно начал Стас. Он невинно предложил Алисе вернуться с ребенком в Москву под широкое крылышко ее родителей. На каждое ее эмоциональное «против» он приводил очередной аргумент «за». Его доводы были логичны и непробиваемы. Алиса знала, что он прав. Тысячу раз прав.

Только его холодный расчет произвел на нее обратное действие. Она не хотела уезжать. Ни на один день не хотела расставаться с ним. Боялась, что болото окончательно затянет, опустошит его душу, сведет с ума, как когда-то свело с ума Захара Степановича. Произнести вслух свои опасения она почему-то стеснялась, несла какую-то чушь о свежем воздухе для ребенка, и к концу поездки ей стало казаться, что Стас на нее поглядывает, как на умалишенную.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.